

К.Ю. Колесниченко

**Армия и политика:
теория и практика прикладного
политического анализа**

Монография

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2014

УДК 355
ББК 68+66
К60

Рецензенты:

кандидат политических наук, доцент В.А. Бурлаков;
кандидат политических наук, доцент В.С. Хамидулин

Колесниченко, К.Ю.

К60 Армия и политика: теория и практика прикладного политического анализа : монография / К.Ю. Колесниченко. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 144 с.
ISBN 978-5-906739-11-7

Монография посвящена различным аспектам влияния вооруженных сил на политику, включая рассмотрение теоретических концепций и моделей прикладного анализа влияния вооруженных сил на политические системы и процессы в различных странах и регионах мира. Кроме того, в монографии подробно анализируются зарубежные теории политического участия вооруженных сил в политике России и КНР.

Работа адресована политологам, историкам, специалистам в области международных отношений, аспирантам и студентам.

УДК 355
ББК 68+66

© Колесниченко К.Ю., 2014

© Оформление. Издательство

Дальневосточного университета, 2014

ISBN 978-5-906739-11-7

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Теория и практика политического участия вооруженных сил.....	15
1.1. Армия как объект и субъект политики.....	15
1.2. Влияние военных на политические процессы и политические системы в различных странах и регионах мира во второй половине XX века.....	25
1.3. Проблема взаимодействия армии и политики в истории политических учений.....	42
Глава 2. Прикладные модели анализа политического участия вооруженных сил.....	67
2.1. Концепция анализа участия армии в политике Б. Тейлора.....	67
2.2. Модели анализа политической роли вооруженных сил в коммунистических и посткоммунистических политических системах (на примере России и КНР).....	79
2.3. Армия и политика в Советском Союзе и Российской Федерации: взгляд западных исследователей.....	82
2.4. Современные западные модели военно-гражданских отношений в КНР.....	90
2.5. Народная вооруженная полиция КНР в системе военно-гражданских отношений КНР.....	105
Список использованных источников и литературы.....	119
Приложение 1.....	130
Приложение 2.....	132

Введение

Вооруженные силы являются неотъемлемой составляющей любого государства, важнейшим его элементом, призванным обеспечивать существование государственной системы в целом, для чего они обладают мощными ресурсами. Другим общепринятым названием вооруженных сил является термин «армия», который происходит от латинского слова *armo* – вооружаю. Сегодня в политической науке армия и вооруженные силы определяются как совокупность воинских формирований, специально создаваемых и содержащихся государством для осуществления его военной политики. В силу специфики своего происхождения армия находится в устойчивой связи с политической сферой – государство действует политическими средствами, и армия используется государством именно как средство обеспечения безопасности, а все средства, используемые политикой, традиционно признаются политическими. Однако армия не только испытывает воздействие со стороны политики – между ними существует устойчивая взаимосвязь, и вооруженные силы, в свою очередь, влияют на политику.

Тенденция к включению в борьбу за власть людей, сумевших привлечь на свою сторону такой мощный ресурс, как вооруженное, построенное на принципах жесткого иерархического подчинения войско, появилась еще в глубокой древности. С превращением армии в один из самых значимых сегментов общества, владеющего большим количеством ресурсов, пригодных для использования и в политической борьбе, она начинает активно и, зачастую, самостоятельно вмешиваться в политический процесс. И не случайно одним из путей становления ранних государств

является военная демократия, поскольку в условиях постоянной военной опасности и необходимости борьбы за ресурсы такая форма правления была наиболее эффективной. Более поздняя история позволяет сделать выводы об усилении вышеуказанных тенденций одновременно с развитием государств. Так, значительное количество государственных образований в своей деятельности максимально ориентировалось на военные цели. В целом, на протяжении всей мировой истории встречаются многочисленные примеры вмешательства военных в политику в самых различных формах, что позволило исследователям выделить данное явление в отдельный феномен политического процесса.

Традиция изучения влияния армии на политику существует достаточно давно. В истории социально-политических учений практически ни один исследователь не обходил своим вниманием проблему роли армии в политике. К этому вопросу обращались мыслители разных эпох: Сунь-Цзы, Аристотель, Платон, Цицерон, Н. Макиавелли, К. Клаузевиц, Ф. Ницше, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, И. Ильин, С. Хантингтон., М. Дюверже и многие другие. При этом спектр мнений о роли армии в политической жизни был весьма широк и отличался высоким уровнем противоречий между различными теориями, однако большинство исследователей сходились во мнении, что политическая сфера всегда должна доминировать над военной¹.

¹ Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. – М., 1995. – 328 с.; Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т.3. Государство. – М., 1994; Клаузевиц К. О войне. – М., 1995. – 640 с.; Ленин В.И. Государство и революция. – М., 1976; Moris Douverge. The idea of politics. USA. Garrison & Morret, 1999.

Условно можно выделить два уровня осмысления роли армии в политике: уровень анализа реально существующего положения и роли вооруженных сил в политических процессах, а также теоретический уровень, представляющий собой совокупность взглядов на роль и место армии в различных политических режимах и в различных типах обществ.

При создании концепций общественного устройства ни один исследователь не мог обойти своим вниманием проблему существования вооруженных сил и их влияния на политическую и иные сферы общественной жизни. Среди классических работ особую ценность для изучения обозначенной темы представляют труды К. Клаузевица, К. Маркса, Ф. Энгельса, поскольку в них выделяются основные аспекты проблемы и направления ее изучения. Несмотря на существенные изменения в теории и практике функционирования политической сферы общества и ее взаимодействия с военной организацией в XX веке, данные работы по-прежнему представляют значительный интерес.

Мощный импульс совершенствованию методологической базы изучения роли армии в политике дало появление теории политической системы, разработанной в 50 – 60-е гг. XX века, а также совершенствование теории демократии. Теперь стало возможным более четко и ясно определить роль армии в политике, масштабы и возможные направления ее влияния, возможные угрозы и меры по их ограничению. В теории демократии вопросы взаимодействия армии и политики рассматриваются в рамках концепции гражданского, т.е. общественного контроля за деятельностью силовых структур. Однако, и на сегодняшний день реалии политического процесса демонстрируют различные подходы к вопросу влияния армии на политику.

Всю литературу по данному вопросу можно условно разделить на две большие подгруппы – отечественную и зарубежную.

Проводя анализ отечественной литературы, можно выделить три основных подгруппы работ, опубликованных в разные годы.

Первая включает в себя литературу, написанную в советский период с 1917 по 1991 гг.

Ко второй подгруппе относятся книги и статьи российских авторов, покинувших страну после Октябрьской революции и Гражданской войны и находившихся в эмиграции. Наконец можно выделить современный период, начавшийся с 1991 г. и продолжающийся по настоящее время.

Анализируя литературу советского периода, следует отметить, что в нашей стране до конца 80-х годов данная проблематика рассматривалась только с точки зрения официально принятой идеологии, опиравшейся на марксистко-ленинскую теорию. Большинство зарубежных источников были недоступны. И если при оценке роли армии в политической жизни зарубежных стран отечественные исследователи, занимавшиеся этим вопросом (Ю. Сумбатьян, Г. Мирский, Р. Севортьян, В. Шульговский, В. Серебрянников), имели возможность более объективного анализа ситуации, то в отношении нашей страны господствовало единственное мнение – позиция КПСС, обсуждение которого не допускалось¹.

¹ Антонов Ю.А. Армия и политика. – М.:Наука,1973.-256 с.; Классики марксизма-ленинизма и военная история./ Ред. П.А. Жилин. – М.: Воениздат,1983.-343с.; Кондратков В.В. Идеология, политика, война. – М., 1983. – 246 с.; Мирский Г.И. Третий мир: общество, власть, армия. – М.: Наука, 1976.-435 с. Он же. Армия и политика в странах Азии и Африки. – М.: Наука, 1970.-349 с. Серебрянни-

В результате, отражение проблемы в отечественной литературе в 50-е – 80-е годы носило субъективный характер. Использовать данную литературу можно лишь частично. Только с конца 80-х годов появляются первые независимые отечественные публикации по этому вопросу в сборниках статей «Перестройка», «Гласность», «Армия и общество», журнале «Огонек».

Вторая подгруппа источников представляет особую ценность тем, что в ней характеризуется роль армии в политике в дореволюционный период, а также дается оценка событий революций и Гражданской войны с точки зрения современников и непосредственных участников событий, многие из которых занимали высокие политические и военные посты в Российской армии и белом движении. В отличие от советских авторов, они имели возможность более свободно высказывать свою точку зрения на события отечественной истории и роль армии в политическом процессе¹.

В связи с общим возрождением политической науки в России в начале 90-х годов у авторов появляется возможность для более широкого рассмотрения вопроса о месте и роли военных в политике на страницах СМИ, в том числе и негосударственных. Наибольшее внимание этой проблематике уделяли журналы «Политические исследования» («Полис»), «Социологические исследования» («Социс»),

ков В.В. В.И. Ленин об агрессивности империализма. М.: Воениздат, 1988.-125с. Он же. Основы марксистско-ленинского учения о войне и армии. М.: Воениздат, 1982. – 125 с. и др.

¹ Деникин А.И. Путь русского офицера. - М. : Вагриус, 2002.- 636 с.; Ильин И.А. О грядущей России М., 1995; Русская военная эмиграция 20-х-40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1-2. М., 1998.

«Мировая экономика и международные отношения», «Власть». Например, уже в 1992 году номер журнала «Полис» был целиком посвящен обсуждению роли армии в политике¹.

Наряду со статьями появляется целый ряд монографий, сборников и диссертационных исследований по данной проблематике². Однако на первоначальном этапе

¹ Вооруженные силы – это политические силы? Полис.1992.№ 3.

² См.: Армия и общество. 1900-1941. Статьи, документы. Под ред. Дмитриенко В.П. М., 1999; Анисимов В. М. Гражданский контроль над военными структурами.// Полис.-1995.-№4. – С. 150-172.; Бабанов А.А. Армия и политическая власть в правовом государстве: Дис. ... канд. филос. наук: Тверь, 1998.-156с.; Бельков О.А. Гражданский контроль: каким он должен быть// Армия и общество.1999. №2.- С.45-48; Воробьев Э.А. Российский вариант.// Независимое военное обозрение.-№ 49.-1998.-С.4.; Вооруженные силы это политические силы? // Полис.-1992.-№3; Гуськов Ю.П. армия в политической системе современного общества (на примере России): Дис. ...канд. филос. наук. ГАВС, 1993.-174 с. ; Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ./ Под редакцией А.И. Никитина. – М.: Изд-во «Эслан», 2002.-248 с.; Дудник В.М. Армия в российской политике // Мировая экономика и международные отношения. –1997.- № 5.-С.67-68. ; Емельяшин В.П. Армия и политическая власть в современной России: проблемы взаимодействия и тенденции развития. Дис. ... канд. полит. наук. РАГС, 2001.-226с.; Золотарев В.А. Элемент демократии // Независимое военное обозрение.2004. – № 36.-С.4; Кривенко А.М. Военная организация России в условиях социальной трансформации (политологический анализ). – Дис. ... канд. полит. Наук: ВУ, 2003.-359 с.; Комутков С. В. Армия в системе государственной власти современного общества(на примере России). – Дис. ... канд. полит. Наук: ВУ,2003.-166 с.; Маслюк С.Г. Военно-гражданские отношения: отечественный и зарубежный опыт // Армия и общество.1999.-№2.-С.41.; Млечин Л.М. Русская армия между Троцким и Сталиным. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2002.-494 с.; Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И. Социология армии. – М.: ИСПИ РАН, 1996. – 300 с.; Шахов А.Н. Военная организация переходного

высказывавшиеся мнения часто носили субъективный поверхностный характер и не раскрывали всего спектра проблем.

Большинство из вышеупомянутых советских исследователей продолжили свою работу по анализу влияния армии на политику в изменившихся условиях, что позволило обеспечить определенную преемственность в изучении проблемы. Кроме того, появился целый ряд новых авторов, исследующих военную проблематику. Сегодня в России насчитывается не менее 20 исследователей, постоянно занимающихся данным вопросом.

Помимо этого, отдельные аспекты влияния армии на политическую систему рассматриваются в рамках различных социологических и политических исследований как составная часть того или иного политического института или процесса. Среди них можно назвать работы по изучению современной российской политической элиты, феномена лоббизма в России, степени доверия Россиян к различным общественным институтам, изучение электро-альных процессов в стране и т.д.¹

Методология исследования

Поскольку исследование носит комплексный, обобщающий характер и основано на анализе разнообразных по происхождению и содержанию источников, их рассмотрение было осуществлено с точки зрения общих для

периода: демократические параметры развития. // Власть. – 1999. – № 7 – С. 25.; Храмчихин А. Гражданский контроль над армией в России декоративен. // Независимое военное обозрение 2004. - № 21. – С.4.

¹ См.: Крыштановская О.В. Трансформация российской элиты (1981–2003 гг.): Дис. ... докт. социол. наук. – М., 2003. – 439 с; Лихой А.В. Лоббизм как феномен современного российского общества: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003. – 235 с.

всех социальных наук методологических и методических принципов, принятых в зарубежных и отечественных политологических школах.

В работе используется как классическая, так и современная философская, социологическая, политологическая литература, содержащая теоретико-методологические, а также практические выводы по рассматриваемой в диссертации проблематике.

Работы Клаузевица К., Маркса К., Энгельса Ф., Истона Д., Хантингтона С., Дюверже М., Ильина И. составили теоретическую и методологическую базу данного исследования. Для достижения цели исследования использовались две группы методов: общетеоретические и прикладные. К первой группе относятся сравнительный, описательный, институциональный, конкретно-социологический, исторический, системный методы, а также анализ и синтез, а во второй контент – и ивент – анализ.

С помощью компаративного метода проводилось сравнение военно-гражданских отношений в России и США, а также механизмов и элементов гражданского контроля над военной организацией в различных типах политических режимов.

Исторический метод был использован для анализа упомянутого явления политической жизни в контексте исторического времени-связи прошлого, настоящего и будущего. Данный метод позволил выявить определенные закономерности общественного мнения россиян относительно возможной роли военных в политике.

Институциональный метод позволил выявить особенности политических институтов складывающихся в России и эффективно действующих в США с точки зрения их влияния на военную сферу.

Метод контент-анализа использовался для рассмотрения основных источников, а метод ивент-анализа – при анализе ряда важнейших политических событий в России, США и ряде других стран.

Источниковая база

Для достижения поставленных задач был использован достаточно широкий и разноплановый круг источников и документов, позволивших провести комплексный анализ роли армии в политической системе современной России.

Условно все источники можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют международные и российские нормативно – правовые акты, касающиеся вопросов международного регулирования военно-гражданских отношений и ограничения влияния силовых структур на политику, а также функционирования военной организации России в целом и ее структурных компонентов¹.

¹ Кодекс военно-политического поведения стран-участниц ОБСЕ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.osce.org/>; Конституция Российской Федерации. – М., 1999; Об обороне: Федеральный закон РФ // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3808; О безопасности: Федеральный закон РФ // Рос. газета. – 1992. – 6 мая.; О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон // СЗ РФ. – 1994. – 9 мая, № 2; Военная доктрина Российской Федерации: Утверждена указом Президента Рос. Федерации от 21 апр. 2000 г. № 706 // СЗ РФ. – 2000. – 17. – Ст.1852; Положение о Министерстве обороны Российской Федерации: Утверждено указом Президента Рос. Федерации от 16 авг. 2004 г. № 1082.// СЗ РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3538.

Вторая группа состоит из мемуаров высших военных и государственных деятелей России и зарубежных стран¹.

К третьей группе источников относятся данные социологических исследований и статистические материалы, характеризующие деятельность представителей военной сферы в органах исполнительной и законодательной власти различного уровня, голосование военного электората на общегосударственных и региональных выборах, поддержку населением военных кандидатов и силовых структур².

Четвертая группа включает в себя публикации в общедокументальных средствах массовой информации рассматриваемого периода, в которых фиксируются различные аспекты участия военных в политическом процессе и отношении к этому населению страны³.

¹ Варенников В. Парад победы. – М., 1995. – 542 с.; Деникин А.И. Путь русского офицера. – М., 2002. – 636 с.; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 2002. – 415 с.; Рокоссовский К.К. Солдатский долг.-М., 1985. – 367с.; Хрущев Н.С. Воспоминания. – М., 1997. – 511 с.; Черчилль У. Вторая мировая война. – М., 1997. – 637 с.

² Горшков М. К. Петухов В. В. Динамика доверия россиян к общественным институтам // Социс. – 2004. – № 8 – С.29; Серебряников В.В. «Силовики» на парламентских (1999 г.) и президентских (2000 г.) выборах // Власть – 2000. – № 7. – С.47-52; Шестопал Е.Б. Новые тенденции восприятия власти в России // Полис. – 2005. – № 3. – С. 130-141; Kipp J. Timothy T. The Russian Military and the 1995 Parliamentary Elections: a Primer. Foreign Military Studies Office, Fort Leavenworth, KS. 5 October 1995; Kryshatanovskaya O, White S. Putin's Militocracy, Post – Soviet Affairs. – 2003. – October-December, Vol. 19, № 4, – P. 289-306.

³ Публикации в газетах: «Аргументы и факты», «Военно-промышленный курьер», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Независимая газета», «Независимое военное обозрение», и т.д.

Глава 1. Теория и практика политического участия вооруженных сил

1.1. Армия как объект и субъект политики

Вооруженные силы являются неотъемлемой составляющей любого государства, важнейшим его элементом, призванным обеспечивать его защиту от внешних угроз, для чего они обладают мощными ресурсами. Еще одним общепринятым названием вооруженных сил является термин «армия», который происходит от латинского слова *армо* – вооружаю.

Ф. Энгельс определил армию как организованное объединение вооруженных людей, содержащееся государством в целях наступательной или оборонительной войны¹.

Сегодня в политической науке армия и вооруженные силы понимаются как совокупность воинских формирований, специально создаваемых и содержащихся государством для осуществления его военной политики².

Организационно армия является составляющей более обширной структуры, получившей обозначение военной организации государства, которая определяется как система государственных военно-политических, силовых и иных структур, используемых для обеспечения военной безопасности страны. Вооруженные силы являются ядром военной организации государства, кроме того, она включает в себя органы военно-политического руководства, разведывательные и контрразведывательные органы, антитеррористические формирования, ор-

¹ Состав Государственной Думы I-IV созывов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru>; Результаты выборов в Государственную Думу III-IV созывов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.izbircom.ru>; Аналитическая группа Джейн [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.jane's.com>; Азиатско-тихоокеанский центр региональной безопасности [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.apcss.org>;

² Rasmussen M. Civil-military relations. Assessment frameworks 1 and 2.Center for civil military relations [Electronic resource]: Режим доступа: <http://www.ccmr.org>;Epperson R. Russian military intervention in politics // Journal of Slavic military studies. – 1997. – September, 10 (3).

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Собр. Соч..т.14.Война – М., 1984-С.5.

² Политическая энциклопедия. – М. , 1999. –С. 45.

ганы охраны внутреннего порядка, структуры охраны государственной границы, специальные воинские формирования, органы гражданской обороны, а также организации, учреждения и другие образования, обеспечивающие выполнение вооруженными формированиями своих задач¹.

Существует еще один упомянутый выше термин, в большинстве случаев применяемый в отечественной научной литературе как аналогичный понятию армия – вооруженные силы. В зарубежной же научной терминологии эти понятия часто разделяются, так в США под термином «армия» понимаются только сухопутные войска². Для обозначения всей военной организации американские исследователи используют понятие «вооруженные силы», либо термин «военные» (military). Первый чаще встречается в официальных документах, а второй широко распространен в научной литературе, но употребляются они в равном значении.

В силу специфики своего происхождения армия находится в устойчивой связи с политической сферой – она создается и поддерживается государством – важнейшим институтом политической системы – как средство обеспечения безопасности и инструмент вооруженного политического насилия. Государство действует политическими средствами, а все средства, используемые политикой, традиционно признаются политическими.

Однако армия не только испытывает воздействие со стороны политики – между ними существует устойчи-

¹ Военная политология. – М., 1996.-ч.1.-С.122., Военная политология. – М., 2006.-С.340.

² Longman advanced American dictionary. Pearson Education Ltd. Harlow,2000 – .P.62.

вая взаимосвязь, и вооруженные силы, в свою очередь, влияют на политику. А поскольку армия это один из важнейших институтов государства, обладающий определенной автономностью и значительными ресурсами, пригодными для использования в политической борьбе, она может оказывать решающее влияние на политический процесс, политическую систему, а также и на общество в целом. Результаты такого воздействия способны вызвать серьезные изменения как в политической системе, так и в обществе а также повлиять на международные процессы.

Армия создается и совершенствуется государством, она испытывает на себе влияние военной политики государства, вводится в действие и управляется политическими решениями, служит средством достижения политических целей, а все средства, применяемые в политике, определяются как политические. Деятельность высшего военного руководства предполагает наличие развитого государственно-политического сознания, поскольку она неразрывно связана с политическим процессом и жизнью общества в целом. Однако в функционировании армии наряду с государственной политикой существует и партийно-групповая политика, что еще раз подтверждает наличие у армии свойств политического института.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что армия, вооруженные силы по своей сути являются и **объектом** политики, поскольку подвергаются направленному постоянному воздействию со стороны государства, его органов, а также других институтов политической системы (политические партии, политические организации и массовые политические движения, профсоюзы, СМИ,

религиозные организации и объединения и т.д.), и, в то же время, они выступают в качестве **субъекта** политики, поскольку обладают мощным ресурсом политической борьбы, собственными особыми интересами и оказывают влияние на политическую систему и политический процесс.

На основании результатов анализа участия военных в политическом процессе в различных регионах мира можно выделить факторы, создающие объективные предпосылки для превращения военных в объект политики:

1) наличие у армии большого количества ресурсов, делающее ее одной из самых мощных политических сил, а также высокий уровень организованности и дисциплины. Этот фактор объективно присущ вооруженным силам любого государства из-за особенностей их функционального предназначения в государственной системе;

2) периоды ведения вооруженной борьбы с другим государством или государствами, или существования угрозы возникновения вооруженного конфликта;

3) смена общественного строя или трансформация политической системы;

4) обстановка общественной нестабильности, слабость государственной власти;

5) стремление политических сил вовлечь армию в борьбу за власть, для чего формируются соответствующие условия;

6) конфликт между ветвями власти либо группировками внутри одной из ветвей власти (исполнительной или законодательной);

7) внешнеполитическое воздействие;

8) общественная поддержка и позитивное восприятие частью населения армии в качестве политической силы;

9) закрытость вооруженных сил от контроля со стороны общества, СМИ, органов исполнительной, законодательной, судебной власти;

10) занятие военными высших государственных постов;

11) высокая степень доверия к армии в различных типах обществ.

Естественно, что участие армии в политике никогда не определялась только одним фактором, а всегда является совокупностью нескольких из них.

Следует отметить, что вопросы воздействия армии на политику являются лишь составной частью более обширного процесса взаимодействия армии и общества, обозначаемых как военно-гражданские отношения. В основе этого взаимодействия находится общество как более мощная и сильная сторона. Согласно марксистской диалектике, воздействие общества на армию является связью «исходного направления», а влияние армии на общество – связью «обратного направления», которая менее существенна по своим размерам¹. Естественно, что такие взаимоотношения между обществом и армией существуют при условии отсутствия конфликтов между ними. В других условиях воздействие армии на общество может быть очень существенным, особенно в политической сфере, и представлять угрозу существующему общественно-политическому строю.

¹ Тиморин А.А. О взаимодействии армии и общества (некоторые методологические аспекты)/Армия и общество. 1900-1941. Статьи, документы – М., 1999.-С.28.

**Направления и формы взаимного влияния
армии и общества¹**

Сферы влияния	Влияние общества на армию	Влияние армии на общество
политическая	Под влиянием общей политики государства формируется военная политика, на основе которой создается военная доктрина.	Армия участвует в обеспечении политической стабильности внутри общества и военной безопасности страны в мировом сообществе. При этом армия может быть и стабилизирующим, и дестабилизирующим фактором для общества.
экономическая	Экономическая сфера общества является источником материальных и финансовых средств для армии.	Необходимость удовлетворения потребностей армии приводит к появлению в экономической системе общества подсистемы военного производства, в которой задействованы значительные людские, финансовые, материальные ресурсы. В наиболее острые периоды вооруженной борьбы практически вся экономика противостоящих государств вовлекается в военно-экономическое противоборство.

¹ Таблица составлена автором на основе: Бондаренко В.Ф. Специализация и диверсификация внутри военной организации // Социс. – 2002.-№ 12. –С.73-75; Гордиенко Д.В., Баскаков В.В. Военно-экономическое противоборство в современном мире// Военно-экономический вестник.-2005.-№ 8.-С.7-18;Тиморин А.А. О взаимодействии армии и общества (некоторые методологические аспекты)./Армия и общество. 1900-1941. Статьи, документы – М., 1999-С.28-29.

духовная	Общество оказывает воздействие на создание военно-технической базы армии, в первую очередь, через науку, а также на формирование морально-боевых качеств военнослужащих через образование, нравственное и военно-патриотическое воспитание.	Во всех формах общественного сознания (политическое, правовое, мораль, искусство, наука) существуют военные аспекты, которые пронизывают все ступени идейной, общеобразовательной и профессиональной подготовки населения.
----------	---	--

Вооруженные силы вместе с государством относятся к институциональной подсистеме политической системы, однако при определенных условиях они могут приобретать качества самостоятельного политического института, выходя на один уровень с государством по масштабам влияния на политическую систему, либо превосходя его в этом. Более того, армия способна произвести качественные изменения в политической системе. Причина этого в том, что это самая организованная, мобильная, мощная политическая сила, обладающая наибольшим потенциалом насилия. По могуществу с ней не может соперничать ни один другой политический институт, а значит, армия в состоянии подчинить себе всех конкурентов на политической арене, поэтому оружие в прямом смысле слова, военная сила никогда полностью не исключается из политической борьбы. В качестве примера можно привести ситуацию, возникшую с распадом СССР, когда все высшие органы государственной власти и вся структура государственного управления (включая КГБ и МВД) были упразднены, за

исключением Вооруженных сил СССР, которые не только сохранились, но и приобрели самостоятельность по отношению к вновь возникшим государствам. При этом между армией и новыми государствами существовал весь спектр отношений, характерный для взаимодействия равноправных систем: сотрудничество, подчинение, конфликтные и нейтральные. Этот пример ясно характеризует потенциальные возможности, имеющиеся у военных для влияния на политику.

Помимо государства, вооруженные силы как объект политики оказывают влияние и на другие компоненты и подсистемы политической системы и общества в целом – политические партии и общественные организации, политическую культуру, СМИ и т.д. В военно-диктаторских режимах эти институты находятся под контролем военных, в развивающихся демократиях военные достаточно часто используют политические организации и СМИ для защиты своих интересов. Развитые демократии также не могут не испытывать влияния со стороны военных, но возможности их воздействия на политическую систему и политический процесс эффективно регулируются законодательством и системой гражданского контроля.

Политическая культура и политическое сознание также испытывают на себе влияние военных.

Во-первых, каждое общество имеет в своей структуре определенное количество кадровых военных и лиц, работающих в смежных сферах, которые и являются носителями военной культуры. В. Серебрянников разделяет их на воинов по призванию, которые в среднем составляют 3 – 6% населения страны (к этой категории он относит 60-70 % офицерского корпуса), а также воинов по долгу (люди, идущие на военную службу по ве-

лению внутреннего долга). Их численность составляет 8 – 12 % населения¹.

Во-вторых, большинство граждан любого государства имеет представление о военных вопросах, чему способствует воинская служба. Кроме регулярных вооруженных сил все страны имеют значительные людские резервы, и большинство мужчин подлежит призыву на военную службу в случае возникновения вооруженного конфликта. Во многих странах военная служба была и остается важнейшим каналом социальной мобильности, позволяющим сделать успешную карьеру. К данной категории относятся воины по обязанности (в нашей стране это 70-80 % призывников), воины по расчету.

В-третьих, существует категория граждан, полностью отрицательно относящаяся к применению силы, военным конфликтам, службе в армии. Влияние военных на политическое сознание и политическую культуру повышается в периоды ведения войн или роста военной напряженности. Характерным примером здесь служит милитаризация общественного сознания и формирование устойчивого образа врага по обе стороны «железного занавеса» в годы «холодной войны». Этот фактор очень эффективно используется политикам для мобилизации общества на выполнение тех или иных задач, особенно в тоталитарных и авторитарных режимах.

При рассмотрении вариантов **политического участия** армии можно выделить следующие его типы:

– преданность и безоговорочное подчинение армии режиму, использование вооруженных сил исключительно

¹ Серебрянников В.В. От воинственности к миролюбию // Социологические исследования. -2002. -№ 5. -С.86.

как самого надежного гаранта власти (тоталитарные, авторитарные режимы);

– верность армии Конституции, основному закону общественного устройства;

– участие армии в борьбе за власть на стороне определенных политических сил;

– самостоятельное выступление армейских кругов за смену политического режима с последующей передачей полноты власти гражданским силам;

– выход армии из повиновения властям, выступление ее в качестве оппозиционной силы; установление военными полноты власти исключительно армейскими структурами, устранение оппозиции, гражданских институтов от любой политической деятельности (военная диктатура); нейтрально-выжидательная позиция армейских кругов.

Естественно, что ситуация с влиянием армии на политику весьма специфична для каждого конкретного случая и зависит от политической, экономической, социальной обстановки в стране, ее международного положения и влияния других стран. Соответственно, упомянутые выше варианты редко встречались в «чистом» виде. Как правило, ситуация характеризуется совокупностью нескольких вариантов, которые могут меняться на различных этапах политического процесса.

Однако, как свидетельствует опыт политической истории различных государств, несмотря на мощный политический потенциал, армия не может сохранять доминирующее положение в политической системе на протяжении длительного периода времени, поскольку это вызывает дисбаланс в совместном функционировании подсистем государства и элементов политической системы – армия

не способна подменить государство в сфере политики и экономики. Как правило, военные диктатуры оказывались неэффективны в решении государственных вопросов, и управление в той или иной форме переходило к представителям гражданских институтов. Об этом свидетельствует опыт массового перехода от военных диктатур к демократизации в странах Латинской Америки в 80-е гг. XX века.

Изменения сущности глобальных процессов в конце XX – начале XXI вв, такие как конец «холодной войны», глобализация, развитие демократии, война с терроризмом, оказали существенное влияние на политические системы всех стран мира. Соответственно, эти изменения не могли не отразиться и на таком значимом элементе политической системы как вооруженные силы и их взаимодействии с политикой.

1.2. Влияние военных на политические процессы и политические системы в различных странах и регионах мира во второй половине XX века

История знает немало примеров, когда государственные системы, находившиеся в фазе неустойчивого развития, или «точках бифуркации», получали новое направление развития под влиянием военных (приход Наполеона к власти во Франции в 1801; мятеж Франко в Испании в 1936 и его победа в гражданской войне 1936-1939 г.г.; многочисленные военные перевороты в странах Азии, Африки, Латинской Америки в середине – конце XX века и т.д.).

В XX веке влияние военных на политику было достаточно велико – особенно в период «холодной войны». Последняя длилась около 45 лет, расколов мир на две соперничающие военно-политические и экономические группировки, две общественно-политические системы. Глобальное противостояние двух систем принуждало государства иметь многочисленные вооруженные силы, а военный фактор или милитаризм играл значительную роль, как в международных, так и во внутренних политических процессах. Все это привело к формированию мощнейших военно-промышленных комплексов СССР и США, состоявших из вооруженных сил, военных отраслей промышленности и исследовательских учреждений, органов по планированию и координированию этой масштабной работы. Эти процессы сопровождались резким ростом политической роли и престижа министерств и ведомств, отвечающих за военные вопросы, а также милитаризацией массового сознания, формированием устойчивого образа врага с обеих сторон.

Вооруженные силы активно применялись обеими сторонами для решения политических проблем. Не вступая в глобальный военный конфликт, противоборствующие стороны постоянно сталкивались друг с другом в масштабных вооруженных конфликтах в странах «третьего мира», характерными примерами которых являются Корейская война в 50-е гг., Вьетнамская – в 60-е – 70-е гг., многочисленные войны на Ближнем Востоке и в Африке в 50 – 80-е гг. XX века. Характерным примером воздействия военных на политический процесс является «Карибский кризис» 1962 года. Не смотря на то, что все принципиальные решения принимались политическим руководством (размещение советских ядерных ракет на

Кубе, блокада Кубы ВМС и ВВС США), военные активно влияли на процесс принятия решений, оказывая давление на политическое руководство. Президент США Джон Кеннеди с трудом противостоял попыткам военных навязать политическому руководству свою линию поведения, предполагавшую более жесткие активные действия с использованием военной силы. Поражение США в войне во Вьетнаме привело к значительным изменениям в политической системе страны.

Кроме активного участия в осуществлении внешней политики, военные использовались и для решения внутренних проблем противостоящих блоков. Советская армия и армии других социалистических государств применялись для подавления попыток изменения существующего политического режима в странах социалистического лагеря – в Германии в 1948 и 1953 гг., в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968 – 1969 гг. Аналогичная операция готовилась и против Польши в 1981 г., но польское руководство, осознав возможные последствия ввода советских войск в страну, само подавляло оппозиционные выступления.

В странах Запада подобная тенденция так же имела место – в конце 40-х годов английские войска подавили попытку установления социалистического режима в Греции, вооруженные силы Франции использовались в колониальных войнах в Индокитае, Алжире, а так же для решения внутривнутриполитических проблем. Войска США применялись для свержения неугодного режима в Гренаде, а так же при подавлении массовых выступлений афроамериканцев и антивоенных демонстраций в 60-е гг.

Следует отметить, что, государства-члены НАТО так же не смогли избежать попыток военных переворотов.

Таблица 2

**Военные перевороты и попытки
военных переворотов в государствах –
Западной Европы в 60-80 гг. XX в.¹**

Государство	Количество военных переворотов/попыток переворотов в XX веке	Годы	примечания
Греция	3	1967 – 2; 1974	В результате переворота к власти пришла военная хунта, правившая до 1974 г. Контрпереворот 1967 г., организованный под руководством короля Константиноса II, оказался неудачным. В 1974 г. член хунты Д. Ионниадис совершил военный переворот, взяв под контроль высшие органы политического управления.
Испания ²	1	1981	Неудавшийся военный переворот 23-24 февраля 1981 года, направленный против демократических реформ в стране.
Португалия	1	1974	Бескровный военный переворот, осуществлённый подпольной армейской организацией «Движение капитанов». В результате в 1974 г. в стране был установлен переходный политический режим под руководством военных. В 1976 г. в стране устанавливается либерально-демократический режим.

¹ Hebditch D., Connor K. How to Stage a Military Coup. Skyhorse Publishing. 2009. P. 199-212.

² Испания вошла в состав НАТО в 1982 г.

Окончание табл. 2

Турция	3	1960; 1971; 1980	Начиная с 30-х гг. военные играли важнейшую роль в политической жизни страны. После военного переворота в 1960 г. военные фактически выполняют роль регулятора политического процесса.
Франция	2	1961; 1968	1961 – неудачная попытка военного переворота;

Если говорить о государствах – членах Организации Варшавского договора (ОВД), то здесь вооруженные силы и силы внутренней безопасности активно участвовали во внутривнутриполитических процессах, однако в силу специфики развития коммунистических политических режимов военные перевороты не являлись распространенным феноменом.

В ходе трансформации политических систем в государствах Восточной Европы военные занимали различные позиции. Наиболее активны они были в Румынии, где военные участвовали во внутривнутриполитической борьбе, поддерживая свержение режима Н. Чаушеску в 1989 г., в том числе с применением средств вооруженной борьбы. В период правления президента Э. Константинеску в 1996-2000 г. роль армии во внутривнутриполитической жизни страны также была достаточно высока, особенно в 1998 – 1999 гг., когда армия использовалась в электоральных процессах для обеспечения поддержки правящего режима, а также подавляла массовые выступления шахтеров¹.

¹ Хайнеман-Грюдер А. Военные и политика. К вопросу о демократическом контроле над армиями в Восточной Европе // Россия и современный мир. – 2004. – № 3. – С. 188-198.

В Польше военные, воспользовавшись конфликтом между президентом и Советом министров в середине 90-х гг., приобрели значительную автономность в политической системе. Для устранения их влияния в данной сфере политической власти пришлось провести масштабную замену кадрового состава Министерства обороны.

В Венгрии, Чехии, Болгарии военные проявляли меньшую активность, в основном противодействуя изменениям в сфере контроля над военной сферой и военной политике государства.

Для стран **Латинской Америки** в XX веке была характерна иная тенденция массового участия военных в политике – там военные неоднократно брали власть в свои руки.

После Второй мировой войны, когда популярность идей социализма в мире была очень высока, США активно противодействовали их распространению в данном регионе. При этом из-за традиционно значительного влияния военных на политику в Латинской Америке на них делалась основная ставка в борьбе с социализмом. США активно развивали военно-политическое сотрудничество со странами региона, участвовали в формировании новых военных элит и перевооружали армии, превращая их в эффективный инструмент политической борьбы с коммунизмом.

Армии стран Латинской Америки воздействовали на политику по двум основным каналам: во-первых, влияние на общество конституционным путем в условиях авторитарного однопартийного гражданского режима для обеспечения его политической стабильности; во-вторых, отказ армии поддерживать гражданское общество, захват власти путем военного переворота, применение силы для установления военно-диктаторского режима. Военно-дик-

таторские режимы стали определенной закономерностью политического развития региона. Установление подобного строя (как правило, вследствие военных переворотов) было основано на безоговорочном подчинении народных масс воле военных диктаторов. В большинстве случаев диктаторы, захватившие власть, присваивали себе звание президента и создавали политическую систему, опирающуюся на одну партию¹.

При этом военно-диктаторские режимы, как правило, создавали мощный бюрократическо-репрессивный аппарат для борьбы с инакомыслием – главенствующее значение имело противодействие угрозам со стороны коммунистических сил. Наиболее ярко данный подход был продемонстрирован в ходе государственного переворота в Чили, когда военные во главе с генералом Аугусто Пиночетом свергли конституционно избранное правительство Сальвадора Альенде, развернув вслед за этим масштабный политический террор.

Кроме Чили в 60 – 70-х годах военные хунты пришли к власти в Аргентине, Боливии, Бразилии, Гватемале, Гондурасе и Эквадоре.

Пик активности военных переворотов в Латинской Америке приходится на 50-е – 70-е гг. Из 48 военных переворотов и попыток военных переворотов 21 или около 45% приходится на этот период. Информация по количеству военных переворотов в государствах региона приведена в Приложении 2.

Однако военно-диктаторские режимы оказались недостаточно эффективны в области экономических и соци-

¹ Сумбатян Ю. Г. Винтовка рождает власть // Независимое военное обозрение. – 2003. – № 37. – С.3.

альных процессов – военные хунты отказывались от импортозамещающей индустрии и переходили к политике поощрения иностранных инвестиций, что, как правило, приводило к увеличению внешней задолженности и росту инфляции. Кроме того, специфика менталитета военных оказывала негативное влияние на внешне и внутриполитические процессы этих стран, поскольку методы военного руководства были активно привнесены в политику. В своих действиях хунты стремились к достижению быстрых результатов в политике и экономике (как стремились бы к решающей победе в войне), что на практике часто имело негативные последствия. Так возросшие внешнеполитические амбиции руководства Аргентины привели к вооруженному конфликту с традиционным союзником – Великобританией, что было весьма нерационально с политической точки зрения и обернулось военным поражением и усугублением экономического кризиса. Все это вызвало рост недовольства широких слоев населения военно-бюрократическими режимами, что в свою очередь привело к отказу США от их поддержки. В результате в 80-е годы началась активная смена их демократическими режимами, в настоящее время все страны Латинской Америки придерживаются принципов демократии (кроме Кубы). Однако роль военных в политике остается весьма значительной.

Активное участие военных в политике характерно и для **Ближнего Востока**, в частности, Египта, Сирии, Алжира, Израиля.

Характерный пример последствий влияния военных на политическую систему дала арабо-израильская война 1982 года. В ходе подготовки и проведения Израилем операции по разгрому инфраструктуры Организации освобождения

Палестины (ООП) в Ливане между военными и политическим руководством страны возникали постоянные противоречия по вопросу масштабов использования военной силы в конфликте. К примеру, согласно планам военных, оккупация Бейрута была признана важнейшим условием успешности всей операции, но премьер-министр Менахем Бегин по политическим соображениям запретил войскам входить в Ливанскую столицу (это могло вызвать международные и внутригосударственные осложнения). Однако высший генералитет продолжал оказывать давление на политическое руководство, сумев добиться разрешения на оккупацию Бейрута. В результате, военная цель операции была достигнута, но Израиль оказался втянутым в затяжную вялотекущую войну (оккупация Ливана израильскими войсками продолжалась три года), в израильском обществе усилились антивоенные выступления и недовольство политикой правительства, а место ООП заняли другие радикальные исламистские организации, например, «Хезболла». Таким образом, баланс между военными и политической властью был нарушен, что привело к серьезным политическим последствиям для Израиля.

На **африканском континенте** военные также играли важнейшую роль в политической жизни большинства государств в XX веке. Согласно подсчетам зарубежных исследователей, за сорок с небольшим лет с момента освобождения Африки от колониальной зависимости на континенте произошло 18 полномасштабных гражданских войн, более 100 военных переворотов, зарегистрировано 11 случаев геноцида и массового политического террора. Западные политологи отмечают, что только 18 стран из более 50 избежали военно-диктаторских режимов. В остальных же не менее половины периода не-

зависимого существования прошло под управлением армейской верхушки¹.

Общее количество военных режимов в Африке в различные периоды второй половины XX века представлено в таблице 3².

Таблица 3

Количество военных режимов в Африке

Период времени	1970-е	1980-е	1990-е
Количество подчиненных военным правительствам	36%	46%	30%

Одной из особенностей участия военных в политике в этом регионе является важнейшее значение этнического фактора. При этом на этапе борьбы за независимость армии играли прогрессивную роль, находясь в центре борьбы против колониализма, объединяя ради этой цели различные этнические группы, зачастую враждовавшие между собой. Однако после обретения независимости, армии африканских стран становились главной опорой военно-диктаторских режимов. Несмотря на активную роль в политической жизни, африканским военным не удалось

¹ Сумбатян Ю.Г. Африку раздирают военные конфликты // Независимое военное обозрение. – 2003. – № 18. – С. 2.

² Таблица составлена автором на основе: Сумбатян Ю.Г. Африку раздирают военные конфликты // Независимое военное обозрение. – 2003. – № 18. – С. 2; Татьянин В.А. Организация армии в государствах социалистической ориентации // Вооруженные силы в политической системе / ред. В.Е. Чиркин. – М., 1981. – С. 27 – 30.

найти достаточно эффективных путей решения сложных социально-экономических проблем своих государств. Причем вне зависимости от того, какой путь развития – капитализм или социализм, провозглашался базовым для построения развитого общества. В настоящее время в Африке происходит трансформация военно-диктаторских режимов в гражданские многопартийные, однако сохраняется важнейшая роль армии в политике, что является угрозой происходящим переменам, поскольку не исключается возможность повторной интервенции военных в политику в ряде стран.

В странах Азии в XX в. военные также играли важную политическую роль.

Особенности участия военных в политике Китая и Вьетнама рассматривались выше. К этому можно добавить, что Китайская армия после победы коммунистических сил не осталась в стороне от внутрипартийной борьбы, касавшейся перспектив дальнейшего развития страны. Высшие командные инстанции Китайской армии, например, Центральный военный совет, руководство Общеполитического управления и высший генералитет состояли из ветеранов партизанского движения, которые имели тесные связи с компартией Китая. В отличие от них офицеры среднего звена в возрасте до 50 лет отрицательно относились к идеологизации и жесткому контролю со стороны компартии, полагая, что основное внимание следует уделять комплексной модернизации вооруженных сил. Эта проблема не изжита до конца и сегодня – китайские военные оказывают давление на политическое руководство с целью ускорения темпов модернизации армии и увеличения финансирования программ военного строительства страны. За период нахождения у власти в Китае компартии было несколько

периодов активного участия армии в острой борьбе внутри партии¹.

Рассматривая особенности влияния военных на политику в странах Азии, Африки и Латинской Америки в период «холодной войны», следует отметить, что, помимо внутренних факторов, значительную роль играли факторы внешние, а именно воздействие мировых держав, борющихся за установление дружественных им режимов в той или иной стране. В ситуации политической и экономической нестабильности военные часто оказывались единственной силой, способной подчинить политическую власть и удержать ее, в том числе и при помощи средств вооруженной борьбы.

О политике США в странах Латинской Америки уже упоминалось выше. В этом регионе США действовали более успешно из-за географической близости, облегчавшей военную и экономическую помощь нужным режимам, а также прямое военное вмешательство американских спецслужб и вооруженных сил в политические процессы.

Советский Союз также поддерживал военные режимы в государствах-союзниках, в первую очередь, в Африке и Азии. В отечественной политической науке была разработана концепция о прогрессивной роли армии в политике развивающихся стран социалистической ориентации, как при переходе от капиталистического к социалистическому пути развития, так и в дальнейшем укреплении политической системы². Согласно этой концепции, на первых этапах развития по социалистическому пути армия, как самая

мощная политическая сила, берет власть в свои руки (иногда совместно с полицейскими силами), подменяя собой элементы государственного механизма (исполнительные, законодательные, а в ряде случаев, и судебные органы власти). Представители армии осуществляют властные полномочия прямо или через специальные органы. Этот этап может продолжаться достаточно долго, в зависимости от политической и экономической обстановки в стране, а также внешних факторов. Например, в Алжире подобная ситуация сохранялась с 1965 по 1976 гг., в Бирме в 1962–1974 гг., Конго в 1968 – 1973 гг. При переходе к гражданским правительствам власть армии остается значительной, при этом особое положение вооруженных сил в политической сфере иногда закреплялось конституционно.

Выделялись 4 основные функции армии:

- 1) внешняя защита;
- 2) внутренняя защита, которая определяется как подавление классовых противников и поддержание правопорядка на всей территории государства;
- 3) общественно-политическая;
- 4) социально-экономическая;

При этом на вооруженные силы возлагался широкий спектр функций в экономике и социальной сфере. Например, по мнению советских авторов, армия должна широко участвовать в экономической деятельности, в том числе в добыче полезных ископаемых, сельскохозяйственных работах, освоении пустынь, ирригации земель. Кроме того, полномочия армии в социальной сфере также были достаточно обширны, включая в себя образование, здравоохранение и патриотическую подготовку населения.

Такое расширение влияния армии и выполнение несвойственных ей функций объясняется стремлением кон-

¹ Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. Указ соч. – С.227.

² Татьянин В.А. Организация армии в государствах социалистической ориентации // Вооруженные силы в политической системе / ред. В.Е.Чиркин. – М., 1981. – С. 27 – 30.

тролировать все общественные процессы с целью сохранения власти. Добыча полезных ископаемых зачастую была единственным источником пополнения бюджета за счет внутренних средств.

В данной концепции армия является ключевым институтом политической системы, контролирующим политические, экономические, социальные процессы в обществе. При этом четко виден акцент на внутренние функции вооруженных сил, которые доминируют над функцией защиты от внешних угроз. Зачастую внутриполитическая роль военных в качестве гаранта стабильности правящего режима закреплялась законодательно – военные получали официальную возможность борьбы с противниками режима внутри страны. Выполнение функций государственной власти во всех сферах позволяло привлечь на свою сторону широкие общественные слои, что в конечном счете приводило к победе.

Американский политолог Чарльз Эндрейн, рассматривая случаи свержения авторитарных военных режимов государственно-социалистическими революциями в Китае, Вьетнаме и на Кубе, фактически подтвердил успешность такого подхода на этапе борьбы за власть. В данном случае особый интерес для нашего исследования представляет тот факт, что в этих странах сталкивались военные режимы, поддерживаемые СССР и США, и армии выполняли важнейшую функцию в политическом процессе, определяя дальнейшее направление развития упомянутых государств. Ч. Эндрейн отмечает, что в этих государствах контролируемые военными правительства, поддерживаемые США, первоначально располагали более значительными контингентами войск, оснащенных современным вооружением. Однако низкий боевой дух солдат, дезер-

тирство и переход войск на сторону революционных сил существенно ослабило находившиеся у власти режимы. Революционные вооруженные силы имели более высокий боевой дух и дисциплину, а также более широкую социальную поддержку. Начиная свою деятельность в сельских районах, они в конечном итоге захватывали города. При этом они выполняли не только военные функции. Коммунистические армии Китая, Вьетнама и Кубы организовывали на местах органы управления, занимавшиеся мобилизацией населения и выполнявшие ряд гражданских административных функций: распределение земли, обеспечение безопасности населения, улаживание споров, контроль за образовательными программами и системой здравоохранения, взимание прогрессивных налогов, пресечение попыток развязывания гражданских войн, защита от правительственных репрессий и создание возможности для вертикальной социальной мобильности. Все эти виды деятельности заложили основы политических систем, сформировавшихся в данных государствах¹.

Однако опыт политического и исторического развития стран с военными режимами социалистической ориентации продемонстрировал их неэффективность в управлении общественными процессами, в первую очередь из-за склонности к бюрократизации, росту коррупции, увеличению военных расходов в ущерб другим отраслям экономики, милитаризацией внешней политики, что приводило к постоянным вооруженным конфликтам, а также чрезмерной увлеченности выполнением функции защиты от классовых врагов, что выливалось в масштабные политические репрессии.

¹ Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем. – М., 2002. – С. 161 – 166.

В целом, исходя из опыта функционирования военных режимов социалистической и капиталистической ориентации, можно отметить, что они способны выполнять позитивные политические функции на протяжении небольшого времени – в период борьбы за независимость и на начальном этапе укрепления политического режима. Дальнейшее правление военных режимов приводило к кризисным явлениям во всех сферах общественной жизни и заканчивалось сменой военной власти гражданской.

Общая динамика количества военных режимов в мире с конца 70-х до конца 90-х годов XX века и их сравнение с другими типами политических режимов представлена в диаграмме 1.

Исходя из полученных данных, видно, что в 1978 году военные контролировали политическую власть либо формально (военные правительства), либо фактически (подчиненные военным гражданские правительства) в приблизительно 24% стран мира. При этом к этой категории относились порядка трети или более стран Африки и Латинской Америки. Через десять лет количество военных режимов увеличилось до 26%, в основном за счет стран Африки. К 1997–1998 гг. число подконтрольных военным правительств уменьшилось до 17%. С 1998 г. и по настоящее время отмечается дальнейшее уменьшение количества государств, где политическая власть контролируется военным – в настоящее время этот показатель составляет приблизительно 5%. Наибольшими возможностями по воздействию на политическую систему обладают военные в Турции, Египте, Индонезии, Алжире, Нигерии, Судане, Мьянме, Бангладеш.

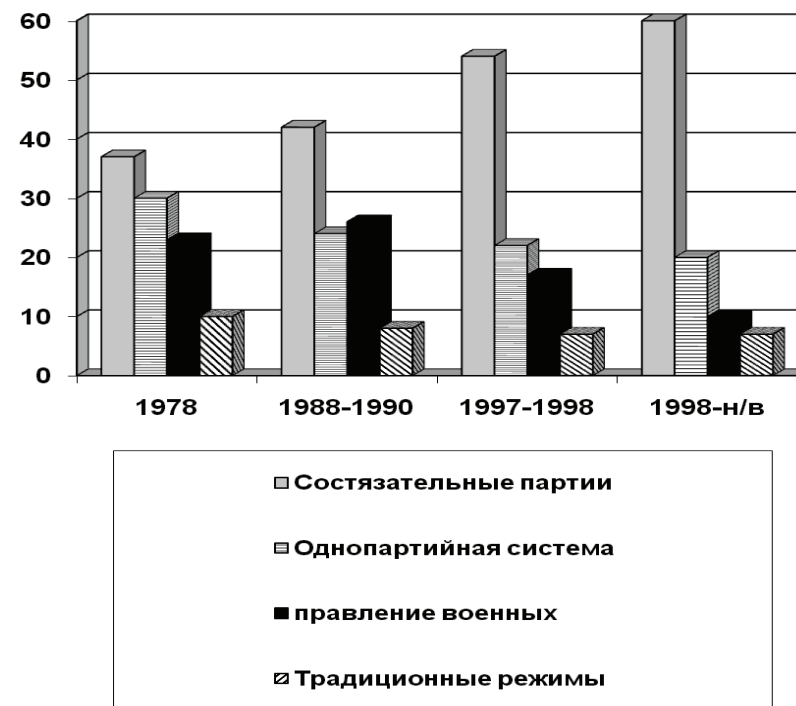

Диаграмма 1. Процентное соотношение существующих в мире типов политических режимов

Диаграмма составлена на основе: Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М., 1994. – С.181; Каменская В.Г., Родионов А.Н. Политические системы современности. – М., 1994. – С. 196 – 198; Сумбатян Ю.Г. Африку раздирают военные конфликты // Независимое енное обозрение. – 2003. – № 18. – С.2; Сумбатян Ю.Г. Винтовка рождает власть // Независимое военное обозрение. – 2003. – № 37. – С. 3; Вооруженные силы зарубежных стран// Зарубежное военное обозрение.-2006.-№ 1.-С.37 – 64.

При этом в большинстве из этих стран наиболее типичные для правления военных военная диктатура и консервативно-авторитарные режимы сменились в 1990-е-2000-е гг.

режимами с развивающейся демократией. Однако и после передачи государственной власти гражданскому правительству руководящие армейские круги, благодаря своей организованности, сплоченности, образованности и дисциплинированности, остаются активной политической силой, что подтвердили события т.н. «арабской весны».

Таким образом, подводя краткий итог, можно отметить, что участие военных в политике стало неотъемлемой частью политических процессов в странах «третьего мира», в особенности во второй половине XX века, когда в Азии, Африке и Латинской Америке произошло более 200 военных переворотов или попыток военных переворотов. В условиях «Холодной войны» военные играли существенную роль и в политике государств с более стабильными политическими режимами, будь то страны Западной Европы, США или социалистического лагеря во главе с Советским Союзом.

Такой богатый эмпирический опыт естественным образом предопределил интерес многих представителей политической науки к данному феномену, о чем мы подробнее расскажем в следующем параграфе.

1.3. Проблема взаимодействия армии и политики в истории политических учений

В мировой политической мысли проблема взаимодействия военной и политической сфер, влияния армии на политику занимает одно из ведущих мест и имеет достаточно длительную историю. Многие историки, полководцы, политики, ученые занимались её изучением, трактовкой, поисками наиболее оптимальных путей взаимодействия военных с политикой.

Одной из важнейших работ древности, где впервые данный вопрос рассматривался достаточно подробно, является «Трактат о военном искусстве» великого китайского полководца и государственного деятеля Сунь-Цзы (IV-V в.в. до н.э.), который считал, что политика занимает господствующее положение по отношению к войне, а политическое руководство по отношению к военному. Войну Сунь-Цзы называет большим делом государства, вопросом его жизни и смерти и пишет, что полководец, понимающий сущность войны, управляет судьбой народа¹. Сунь-Цзы рассматривал военные действия лишь как одну из многообразных форм борьбы, подчиненных интересам политики государства. На западе многие исследователи полагают, что многие взгляды Сунь-Цзы на политику и войну позже легли в основу марксистско-ленинской концепции.

В военно-политической литературе древней Индии также получил отражение вопрос о соотношении политики и войны. Брахман Чапакья в IV веке до н.э. высказал мысль о связи войны и политики, о войне как средстве политики. По мысли автора, война должна служить широким целям политики, а не быть самоцелью. Ее следует вести с помощью вооруженных сил, но более важной силой, чем оружие, является высшая политическая стратегия, которая подрывает дух врага, разлагает его и подводит к крушению.

Наиболее же полно проблематика соотношения политики и войны, военной сферы разрабатывалась в античной литературе. Так, **Платон** (427-347 до н.э.) напрямую связывал войну, армию и политику. При этом следует отметить, что его воззрения складывались под воздействием

¹ Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. – М., 1995. – С. 47 – 55.

Пелопонесской войны (431 – 404 гг. до н. э.), в которой соперничали два сильнейших древнегреческих государства – Афины и Спарта, т.е. он обладал определенным эмпирическим опытом в изучении проблемы. Политика – по Платону – есть руководство общественными делами, делами государства, она начальствует над всем и управляет другими видами деятельности, в т.ч. и военной, а военное искусство лишь часть политического искусства. Но при такой подчиненности всего политике он отводил военным важнейшую роль в жизни государства, поскольку полагал войну естественным, постоянным и неустранимым состоянием общества, не считая ее, однако, злом. Напротив, ученый называет войну единственным способом приобретения новых земель и рабов, т.е. главным фактором прогресса государства, при этом данный способ, по мнению Платона, является абсолютно законным и справедливым. Отсюда выводится и важная роль военных. В проекте своего идеального государства он выделяет их в отдельное сословие, занимающее по значимости второе место и имеющее свою сферу деятельности. При этом Платон подчеркивал, что армия должна сражаться не только с внешними, но и с внутренними врагами государства, удерживать домашних, если бы кто из них не захотел повиниться законам, и отражать внешних врагов¹.

Аристотель (381–322 гг. до н.э.), критиковавший Платона по многим положениям, разделял часть его взглядов по вопросу роли армии в политике, считая войну справедливым явлением и признавая большую роль военных в жизни общества. В частности, он пишет о том, что именно люди, владеющие оружием, в состоянии сохранить или

отменить существующий государственный строй, которого не желает народ и общество¹. В отличие от Платона взгляды Аристотеля на политику и войну характеризуются большей реалистичностью и конкретностью. Эти взгляды основываются на богатом историческом материале, на обобщении прошлого военно-теоретического наследия, политического и военного опыта ведения многочисленных войн античного общества, на социальной и моральной их оценке.

В идеологии Римской империи война также занимала важное место. Рим вел многочисленные завоевательные войны, в результате которых были покорены многие территории и народы Южной Европы и Северной Африки. Это не могло не получить отражения в трудах древнеримских философов, политических и военных деятелей. Серьезное внимание анализу связи политики и войны уделил римский политический деятель, оратор и философ **Марк Туллий Цицерон** (106– 43 гг. до н.э.). В своих трактатах «О государстве» и «О законах», Цицерон подчеркивал важность политических, государственных дел, называл заботу о государстве и управлении им «величайшим искусством». Цицерон указывал на необходимость во время трудных войн сосредоточения всей власти «в руках одного», но выступал против режима личной военной диктатуры. Рассматривая политику как определяющую сторону во взаимосвязи с войной, Цицерон значительно углубил классификацию войн, предложенную древнегреческими и древнеримскими писателями, пытался сформулировать критерии определения характера войны. Войны разделялись им на два рода – справедливые и несправедливые.

¹ Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т.3. Государство. – М., 1994. – С. 325 – 330.

¹ Аристотель. Политика. Афинская полития. – М., 1997. – С. 455 – 457.

За основу деления Цицерон брал формальный, но важный политический и моральный акт – объявление войны. К несправедливым относились те войны, которые велись без достаточной причины и формального объявления¹.

Кроме римских ученых и философов, военные также пытались осмыслить суть отношений военной и политической сфер. В древнеримских источниках содержатся высказывания военных деятелей, в которых резко подчеркивается роль насильственных средств, предпринимается попытка обособить их от общественных отношений, моральных и правовых требований, что позже получила наименование «деполитизация» войны. Так, например, римский полководец и политический деятель Г. Марий утверждал, что для него «не может дойти глас законов, заглушаемый звоном оружия». Другой римский полководец и политический деятель, Г. Помпей, в свою очередь, заявлял: «Могу ли я помышлять о законе, когда я вооружен». Эти высказывания свидетельствуют о повышении роли римской армии как реальной политической силы, которая оказывала преобладающее влияние на политический режим в стране и на форму правления. В них вместе с тем отражается изменившееся соотношение между политическим и военным руководством, возрастание роли последнего. Римские полководцы и политические деятели Гай Марий, Гней Помпей, Юлий Цезарь, Марк Антоний, Октавиан и другие добились порядка, при котором ведущая роль в управлении вооруженными силами отводилась полководцу. Появление преторианской гвардии в Риме являлось попыткой политической власти ограничить растущее

¹ Цицерон М.Т.О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. – М., 1999. – С. 125-127; С. 152 – 164.

влияние военных через создание альтернативной военизированной структуры – своеобразного противовеса армии¹.

В период средневековья большую популярность приобретают концепции священной войны – религиозное обоснование территориальной, экономической, культурной экспансии. В разное время такие концепции сложились в иудаизме, исламе, христианстве. При этом во всех этих концепциях военным отводится важная роль. Следует отметить, что и в других регионах мира складывались аналогичные тенденции функционирования политических систем. Например, в 1300–1500 гг. в империи инков война стала главным содержанием и основной формой государственной деятельности. При этом военная экспансия инков в отношении соседних народов и государств породила государственную идеологию об их цивилизаторской миссии. Верховный правитель объединял высшую гражданскую и военную власть². Схожие процессы можно обнаружить и в Африке.

Одной из наиболее значимых работ эпохи возрождения, касающейся данной проблематики, можно назвать труд **Н. Макиавелли (1469 – 1527 гг.)** «Государь» и ряд других его работ. Главная заслуга Макиавелли состоит в освобождении политической и военной мысли от религиозной мистики и рассмотрение проблем с точки зрения утилитарного подхода. Политику он определяет как использование силы, стремление государства к завоеваниям считает естественным, а военную силу наряду с хорошими законами полагает основной государственной опорой. При этом во всех

¹ Кондратов В.В. Идеология, политика, война. Критика буржуазных, реформистских и ревизионистских концепций. Москва, Воениздат 1983г. – С.15 – 17.

² Кузьмищев. В. Царство сынов солнца. – М., 1985. – С.123 – 127.

трудах Макиавелли подчеркивает приоритет политического руководства над военным, считая, что государь должен лично предводительствовать в походах. Однако поскольку войско – важнейшая опора государя, последнему необходимо всеми силами добиваться его расположения с целью обеспечить безопасное существование, ибо: «... государя подстерегают две опасности: одна – изнутри, со стороны подданных, другая – извне, со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников, причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии, что его не нарушат тайные заговоры»¹. Далее Макиавелли на примере жизнеописаний нескольких римских императоров раскрывает механизмы возможного влияния армии на политику и государя и рекомендует, как следует наилучшим образом обходиться с войском, дабы сохранить власть: «... если обыкновенно государям приходится сдерживать честолюбие знати и необузданность народа, то римским императорам приходилось сдерживать еще и алчность войска. Многих эта тягостная необходимость привела к гибели... Народ желал мира и спокойствия, поэтому предпочитал кротких государей, тогда как солдаты предпочитали государей воинственных, неистовых, жестоких и хищных...» Отсюда и вывод: войско нужно держать в повиновении, внушив уважение к себе, но необходимо быть с ним щедрым и предоставить военным большую свободу в профессиональных вопросах².

¹ Макиавелли Н. Избранные сочинения. Государь. – М., 1997. – С. 354 – 361.

² Макиавелли Н. Указ. соч. – С.370.

Среди работ более позднего времени одно из ведущих мест занимает книга немецкого военного теоретика **Карла фон Клаузевица** (1780 – 1831) «О войне». В ней автор довольно подробно определяет степень взаимосвязи войны и политики, обстоятельно раскрывает сущность данного явления, полагая войну не самостоятельным актом, а составной частью политики. Война по Клаузевицу определяется политикой, зависит от политических отношений, вытекает из политической ситуации и определяется политическими мотивами. Обособленно от политики война существовать не может. При этом политика всегда содержит в себе контуры войны, которые до определенного времени остаются невидимы. Он дает следующее определение войны: «Война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств. Война имеет свойства политики», – утверждает Клаузевиц¹. Однако Клаузевиц полагал, что политическая цель не является единственной определяющей силой в войне. Политика должна учитывать природу военной силы и возможные последствия ее применения (в том числе и для себя самой). Несомненно, что его идеи о сущности войны и о соотношении военной и политической сфер оказали большое влияние на всю последующую политическую науку.

Большое значение вопросам участия армии в политике, сущности и параметрам данного участия придавалось в теории марксизма-ленинизма. При этом многие западные ученые делают вывод о том, что при концептуальном рассмотрении данной проблемы марксизм заимствовал многие положения из теории Клаузевица. Так, например, западногерманский адмирал Фридрих Руге в книге «Политика и

¹ Клаузевиц К. О войне. – М., 1995. – С. 64.

стратегия» (1964 г.) пишет, что революционная доктрина, которую развил и с большим успехом применил В.И. Ленин, испытала на себе «влияние Суныцзы и Клаузевица».

Согласно **марксистско-ленинской теории**, армия, наряду с полицией, является важным орудием классовой борьбы, при помощи которого государство, поддерживающее класс угнетателей, обеспечивает его. Как писал по этому поводу В. Ленин: «... армия и полиция есть главные орудия силы государственной власти¹. При этом, рассматривая сущность взаимоотношений вооруженных сил с государством, сторонники данной концепции полагают, что существует тесная связь между военной организацией страны и всем её экономическим и культурным строем, а изменения в социально-политической роли армии в общественной системе имеют первопричину в самом обществе. Роль армии в политике и здесь полагается очень значительной, однако армия как институт государства должна исчезнуть, а на её месте возникнет новый тип военной организации в обществе на период существования «диктатуры пролетариата». Другой видный теоретик марксизма Лев Троцкий так раскрывает роль армии в политике: «Когда и в какой стране армия стояла вне политики? Наша старая армия не была аполитичной, ибо всей системой воспитания и обучения она была призвана поддерживать монархический принцип. Великая Французская Революция создала могущественную армию, которая под звуки «Марсельезы» повалила десятки тронов. Армий вне политики не бывает. Солдат должен знать, за что он умирает. Только психологическим единством, единством идеи можно спаять армию»².

¹ Ленин В.И. Государство и революция. – М., 1986. – С.9.

² Троцкий Л. Д. Дневники и письма. – М., 1994. – С.76 – 78.

В дальнейшем именно теоретические положения марксизма-ленинизма, предполагавшие диалектический подход, начиная с 20-х гг. и до конца 80-х XX века, стали базовыми для советских ученых, разрабатывавших вопросы войны, государства и общества.

В качестве альтернативы мнению советских и зарубежных исследователей можно рассмотреть мнения наших соотечественников, оказавшихся после революционных потрясений и Гражданской войны в эмиграции. Данные работы представляют большой интерес, поскольку авторы опирались на иные ориентиры, ценности, теоретические концепции и имели большую свободу мнения по сравнению с советскими учеными, и обладали более глубоким знанием российской специфики, чем зарубежные исследователи.

Большое внимание уделяет роли военных в политической структуре **Иван Ильин**. В книге «О грядущей России» он предполагает неизбежный крах коммунизма в России, а единственными силами, способными обеспечить единство страны и удержать её от распада в переходный период, называет армию и церковь. Он пишет: «Воинское дело есть трудное, скорбное и трагическое, но необходимое и служащее благой цели. Средства его жестокие и несправедливые. Но именно поэтому дух того, кому вручаются эти средства, должны быть крепок и непоколебим в своем искреннем христоролюбии»¹. Согласно Ильину, дух армии противостоит духу политики и именно военные, неискушенные в политической борьбе, смогут спасти государство. «Дух армии – не революционный, а консервативный; не международный, а национально-патриотический;

¹ Ильин И.А. О грядущей России. – М., 1995. – С.105-108.

не трусливого доноса, а храброй прямооты; не партийного карьеризма, а качественного отбора; не закулисной директивы, а стратегической целесообразности; не бесчестной интриги, а честного ранга. Угашение этого духа в армии неминуемо снижает её боеспособность», – пишет Ильин. Однако в своей работе он ориентировался на серьезное значение специфического, особого русского характера, весьма отличного от европейских народов, порождающего своеобразный тип политической культуры. Все это в полной мере относится и к армии, имеющей характер своего народа¹.

Генерал-лейтенант царской армии **Антон Деникин** (с апреля 1918 г. командовал Добровольческой армией, затем возглавил «Вооруженные силы Юга России») в 1929 году писал, что «в известных кругах стало модным высмеивать формулу «армия – вне политики» и приписывать ей развал императорской армии и неуспех «Белого движения». Какое-то нелепейшее смешение понятий: национального, патриотического воспитания и... ортодоксального исповедывания партийных программ. В особенности, когда программы эти фабрикуются. Русская императорская армия была действительно беспартийной. С малограмотным, к великому сожалению, политически, но обладавшим высокоразвитым патриотизмом офицерским корпусом, который сумел поддержать дух в кадровых рядах. Настолько, что об него разбились волны первой революции. Беспартийной она была и первые два с половиной года мировой войны, хотя мобилизация обратила ее в вооруженный народ, увы, не принесший с собой ясного сознания необходимости великой жертвы... Развал армии

наступил именно тогда, когда поротно начали решать вопрос об аннексиях и контрибуциях, и быть ли России республикой с президентом или без президента. И трагедия нашего офицерства в то страшное время заключалась во все не в том, что оно не имело какой-то своей политической программы, а в том, что оно оказалось безоружным и беспомощным, не умея ответить на целый ряд идей, хлынувших в армию, которые солдатская масса не в состоянии была переварить»¹.

Русский историк и философ **Борис Чичерин** в 1898 году отмечал, что войско составляет такую существенную потребность государства, оно представляет такое могучее орудие власти, что редкие правительства не обращают на него должной заботы. Часто эта забота становится даже преувеличенной, отвлекая внимание от всего остального и заставляя смотреть на самый гражданский порядок с точки зрения военного строя. В эту крайность впадают в особенности правительства самодержавные. Но далеко не всегда попечение о войске сохраняет разумное направление. Здесь более, чем где-либо, внешний порядок нередко заменяет настоящее содержание. Особенно в периоды долгого мира, когда практика не обнаруживает слабых сторон военной организации, армия становится игрушкой, которой потешаются монархи².

Интересно отметить, что в 20-е гг. XX века среди военных мыслителей разных стран развернулась дискуссия о взаимоотношениях армии и политики. Представители германской школы (Мольтке–старший, Людендорф, Гин-

¹ Деникин А.И. Путь русского офицера. – М., 2002. – С. 427 – 428.

² Государственно-политический смысл армии // Независимое военное обозрение. – 1996. – № 6. – С.8.

¹ Ильин И.А. Там же. – С. 225.

денбург) отрицали подчиненность военной стратегии по отношению к политике. Отечественный военный теоретик генерал Свечин придерживался противоположной точки зрения, считая, что военная организация всегда следует за политикой¹.

В силу общего хода развития мировой политической науки в конце XIX – середине XX века наибольший опыт практического и теоретического анализа участия военных в политике накоплен в западной политической мысли, там же разработан ряд значимых теорий и концепций подобного участия, а также всего комплекса взаимоотношений военных с обществом, получившего обозначение военно-гражданские отношения.

Безусловным преимуществом западных исследователей в 30 – 80-е гг. XX века являлась возможность широкого доступа к необходимой информации о функционировании военной сферы (законодательная база, процедуры формулирования целей национальной безопасности, механизмы и объемы финансирования вооруженных сил, система военного образования и т.д.). Кроме того, успех западных исследователей объясняется и общим высоким уровнем развития политической науки и демократических политических институтов.

Исследования, проводившиеся в этот период в странах социалистического лагеря, в первую очередь, в нашей стране, в значительной степени ограничивались необходимостью опоры на марксистско-ленинскую теорию, а также небольшим объемом публичной информации об основных параметрах функционирования вооруженных сил, равно

как и публичной политики вообще. Анализ западных концепций в социалистических системах был возможен только с позиции их критики, а большинство отечественных исследований по данной проблематике носило закрытый характер и предназначалось для узкого круга военно-политического руководства страны.

Однако передовые позиции западной науки отнюдь не означали универсальность и полный успех разработанных там теорий военно-гражданских отношений и концептуальных моделей участия военных в политике. Как свидетельствует опыт прикладного политического анализа, большинство из моделей, разработанных в 50-х – 80-х гг. в западной науке оказались полностью или частично нефункциональными для объяснения специфических особенностей участия армии в политике в коммунистических и посткоммунистических политических системах, в особенности в России, Китае и ряде стран «третьего мира».

На наш взгляд, отчасти причины этого явления кроются в том, что западные модели и теории разрабатывались исходя из западного же понимания и анализа политических процессов, функционирования и развития военной сферы, что при общей закрытости социалистической системы создавали существенные пробелы в прикладном анализе, и, как следствие, в разработке теоретических моделей. Фактически, многие из этих моделей лишь констатировали систему отношений армии и политики социалистических стран, сложившуюся на определенные периоды. При этом данная система на момент разработки концепции могла уже устареть или измениться (например, в связи со сменой военно-политического руководства и высших лиц в составе военно-политического руководства в Советском Союзе или КНР).

¹ Кокошин А.А. Военно – политическое предвидение // Независимое военное обозрение. – 1998. – № 17. – С.1.

Не следует забывать и о факторе идеологического противостояния периода «Холодной войны» – великие державы активно боролись за влияние в глобальном масштабе, противостояние между ними часто выливалось в серьезные инциденты, и политическая наука, как на Западе, так и в социалистическом лагере в той или иной степени была частью этой борьбы.

Так, например, советские или китайские материалы 60-х – 70-х гг. XX века мало подходят для объективного анализа ситуации в период обострения советско-китайских отношений. С другой стороны, как уже говорилось выше, США же в 60 – 80-гг. XX века активно поддерживали военно-диктаторские режимы в Латинской Америке, рассматривая их в качестве наиболее эффективного средства борьбы с распространением коммунизма в регионе, несмотря на явное противоречие особенностей их функционирования базовым демократическим принципам. Такая поддержка этих режимов США нашла свое отражение и в политической науке того периода.

Первой из таких концепций, оказавшей серьезное влияние на всю политическую науку в целом, стала работа **Самуэля Хантингтона «Государство и солдат»**. С. Хантингтон на базе эмпирических исследований пришел к выводу, что менталитету военных присущи следующие основные ценности и идеи:

- 1) верховенство общества над индивидом;
- 2) важность порядка, иерархии, разделения функций;
- 3) безопасность общества зависит от поддержания мощных вооруженных сил;
- 4) война – политический инструмент;
- 5) повиновение – высшая добродетель военных.

Соответственно, военный менталитет отличается реализмом и консерватизмом, что само по себе не способствует вмешательству военных и/или спецслужб в политику¹.

Американский исследователь **Алфред Вог** в своей работе «**История милитаризма гражданского и военного**» (1937 г.), рассматривая теорию аполитичности армии, отмечает, что, как и в любой другой профессии, часть, возможно даже большинство офицеров аполитичны, поскольку полностью заняты выполнением своих профессиональных функций. Но в перерывах между войнами военные имеют гораздо больше свободного времени, чем любые другие профессионалы и это создает возможность для направления своей мыслительной активности и стремлений в политическую сферу. С раннего периода истории развития современных армий военные фактически присутствовали в политике – в качестве неформальной группы интересов.

Эта группа не была открытой из-за концепции рациональности и долга, но группы, клики, камарильи, школы в армиях брали на себя функцию артикуляции и представительства интересов военных, даже не имея на то мандата большинства офицерского корпуса, полагая, возможно, что большинство с ними согласно. Такие клики устанавливали и поддерживали контакты, как правило, хорошо скрытые, с гражданскими политическими группами интересов, находящимися у власти или борющимися за власть.

В монархиях такие камарильи почти всегда находили формы взаимодействия непосредственно с монархом, как это было в России и Пруссии. Когда же на монарха не так

¹ Herspring D. Samuel Huntington and Communist Civil-Military Relations // Armed Forces and society. – 1999. – № 4. – P. 557 – 577.

легко воздействовать, военные могут использовать давление или даже насилие, как, например, в Сербии в 1903 г. В таких крайних случаях участие военных в политике носит конспиративный характер. В ряде случаев обстановка революционной нестабильности способствовала тому, что генералы изменяли интересам страны, которой они служили. В большинстве же случаев политическое участие военных служить достижению менее значимых целей, таких как улучшение денежного довольствия и социального обеспечения, получение привилегий и т.д.¹

Кеннет Боулдинг в исследовании «**Конфликт и защита: общая теория**» говорит о том, что представление о вооруженных силах, как о защитнике государства, являются не более чем мифом. Вооруженные силы многих стран мира фактически независимы от государств, которыми были созданы и которые теоретически должны защищать. На практике ничего этого не существует. Армия формирует собственную социальную систему, которая во многом автономна по отношению к государству. Парадокс ситуации по его мнению состоит в том, что «вооруженные силы созданы для борьбы с другими вооруженными силами, а, следовательно, существование национальной армии основывается на самооправдании: каждая армия любого государства оправдывает свое существование наличием потенциального врага и практически больше не имеет аргументов для самозащиты. Поэтому армия сильно отличается от полиции, которая имеет своей целью не борьбу с другой полицией, а противодействие незаконным поступкам индивидов и выполняет предупредительную, а не карательную функцию. Полиция лишь задерживает нарушителя, а наказывать его,

если он виновен, должен суд. Это разделение труда не всегда ясно видно, но существует фундаментальная разница между легальной, ответственной полицией с одной стороны и бандитской, секретной политической полицией и вооруженными силами с другой»¹.

Сходной точки зрения придерживался французский политолог **Морис Дюверже**, уделивший достаточно много места проблематике участия армии в политике в своей работе «Идея политики. Применение силы (власти) в обществе». Армию Дюверже считал одним из важнейших инструментов политической борьбы. По его мнению, главная задача политики – устранить насилие, заменить кровопролитие менее жестокими формами борьбы. Политика начинается за пределами войны, гражданской или международной. Политика стремится ликвидировать насилие, но не может сделать это окончательно, поэтому оружие, в прямом смысле слова, военная сила никогда полностью не исключается из политической борьбы. Во многих человеческих обществах власть опирается на силу. Политики не столько стремятся уничтожить средства насилия, оружие, сколько сосредоточить их в руках правительства. Обладая монополией на оружие, правительство, правящая партия, приобретают огромную власть над безоружными гражданами. Кроме случаев легитимного использования для подчинения поданных власти, военная сила используется в политике в трех случаях:

1) на низкой стадии общественного развития, когда государство еще слишком слабо, чтобы использовать её в собственных интересах. Тогда вооруженные партии бо-

¹ Kenneth.E .Boulting. Conflict and Defence: the general theory. Harper and brothers. USA. 1962. – P. 325 – 330.

¹ Vagts Alfred. A history of Militarism. Civilian and Military.

руются за власть, политические организации приобретают форму милиции (древние города-государства, средние века). Иногда это можно наблюдать на более высокой стадии социального развития, когда одна из партий приобретает форму военизированной организации. Тогда другие также создают свои подобные организации. (Германия, 1930-е годы);

2) политический конфликт приобретает военные формы, когда оппозиция не имеет иных возможностей быть услышанной, или когда дозволенные средства являются неэффективными. Вооруженное сопротивление обычно проходит две стадии: тайное сопротивление и открытое восстание, подготовленное первой стадией. Открытое восстание может проявиться в двух формах: как революция, в которой власть быстро захватывает экс-оппозиция или как долгая гражданская война, в которой важную роль играет подпольное сопротивление. Сейчас, с усилением средств уничтожения, вторая форма вытесняет первую;

3) Когда военные перестают служить правительству и начинают сами бороться за власть (Древний Рим, Латинская Америка, Средний Восток; Франция была близка к этому в 1958 – 1962 годах). Иногда различные группировки в армии начинают бороться за власть между собой (Римская империя, Латинская Америка, Алжир 1961 г.).

Дюверже полагает, что армия всегда является угрозой государству. В политической сфере армия выражает интересы определенных социальных групп в борьбе за власть, играет роль партии или группы давления, чаще всего находясь на стороне привилегированного меньшинства¹.

¹ Moris Douverge. The idea of politics. USA. Garrison & Morret, 1999. – P.157 – 170.

Американский политолог и психолог **Гарольд Лассуэл**, видный представитель бихевиористской школы, исследуя роль элит в современном обществе, обратил внимание на опасность превращения его в «государство-гарнизон», или военную диктатуру, из-за развития военных технологий, а также из-за того, что наибольшим влиянием начинают пользоваться военные и прочие «специалисты по насилию», располагающие совершенными техническими средствами осуществления насилия и освоившие современные приемы управления. Общество, ставящее высшей целью постоянную готовность к войне, само милитаризуется: исчезает граница между военными и гражданскими институтами, а военная элита становится важнейшим элементом элиты общества. В свою очередь, «государство-гарнизон», как и общество в целом, полностью утрачивает способность к развитию (оно может превратиться только в «гарнизонно-полицейское» или «гарнизонно-тюремное»): прогресс наблюдается лишь в сфере военных технологий¹.

Один из ведущих представителей теории современной демократии, американский политолог **Хуан Линц** в своей типологии авторитарных режимов выделяет военно-бюрократический режим². Данный тип авторитаризма возникает обычно в виде военной диктатуры, но в дальнейшем политическом развитии все большая роль принадлежит гражданским профессионалам. В правящей коалиции доминируют военные и бюрократы, отсутствует какая-либо интегрирующая идеология. Такой режим может быть и беспартийным, и многопартийным, но чаще всего суще-

¹ Мельвил А. Ю., Алексеева Т.А., Боришполец К.П. и др. Указ. соч. – С.33.

² Там же. – С.177 – 179.

ствуется одна проправительственная партия, которая не является массовой.

Основной идеологической целью такого режима является исключение независимого участия во властных отношениях определенных групп, чаще всего низших слоев, а также этнических, религиозных и культурных меньшинств, которые были вовлечены в политическую жизнь в предшествующий демократический период (если таковой был). Военных и бюрократов обычно объединяет страх перед революцией снизу, поэтому устранения влияния на общество радикально настроенных интеллектуалов представляется им необходимым условием его дальнейшего развития. Данную проблемную ситуацию режим разрешает с помощью насилия и/или закрытия доступа интеллектуалам в политическую сферу через избирательные каналы.

Особенность военного режима состоит в том, что посты в правящей элите занимают согласно позиций в армейской иерархии. Формы военного правления различны – от личной диктатуры одного офицера или генерала до хунты – обобщенного названия военных правительств, пришедших к власти в результате государственного переворота.

Иногда военные лидеры управляют негласно, предоставив руководящие посты гражданским лицам, и обеспечивают контроль и порядок в обществе. Режимы такого типа могут стремиться к легализации через принятие конституций либерально–демократического характера, сохранение псевдоконституционных парламентских структур, законодательного закрепления требований гражданского повиновения.

Политические предпосылки возникновения военно-бюрократических режимов образуются, как правило, в

обществах с низким экономическим, социальным и культурным уровнем развития, где были введены либерально – демократические парламентские институты, но не сложилась действенная партийная система либо партии оказались не в состоянии сформировать стабильное правительство. Условия для формирования таких режимов возникают и в слаборазвитых многонациональных государствах, где этнические конфликты ведут к национал-шовинизму и увеличению политического влияния армии.

Отечественные политологи **Г. Каменская** и **А. Родионов** предложили более подробную классификацию военных режимов:

– режимы, обладающие строго диктаторской, террористической природой и персональным характером власти. Их устойчивость очень мала (режим Иди Амина в Уганде и др.);

– хунты, которые отличаются модернизационной направленностью (Латинская Америка);

– однопартийные системы с более широким базисом (Египет при А. Насере, Ирак при С. Хусейне, Перу)¹.

Один из ведущих современных теоретиков военно-гражданских отношений **Тимоти Колтон** выделяет три основных направления взаимодействия армии и общества: 1) **вопросы суверенной власти** (кто управляет, и кто решает, кто управляет); 2) **политика в сфере обороны**, касающаяся профессиональных интересов вооруженных сил – военной доктрины, военного бюджета, законов и т.д.; 3) **вопросы социетального выбора** – под ними Т. Кол-

¹ Каменская В.Г., Родионов А.Н. Политические системы современности. – М., 1994. – С. 203.

тон понимает политические, экономические, социальные и культурные проблемы, напрямую с вопросами обороны не связанные. Он отмечает, что есть три формы участия армии в решении вопросов суверенитета власти такого участия:

1) **вмешательство военных в политику**, под которым понимается использование или угроза использования силы военными, самостоятельно или совместно с гражданскими акторами, с целью смены исполнительной власти государства;

2) **участие военных в качестве арбитра**, когда несколько лиц или групп лиц оспаривают друг у друга право на обладание всей полнотой власти, а военные вынуждены принимать решение о том, кто обладает такой властью, а значит, может отдавать приказы армии. Б.Тейлор отмечает, что в данном случае военные не принимают самостоятельного решения о необходимости вмешаться в вопросы суверенитета власти, а вынуждены действовать в результате политической активности гражданских акторов. Таким образом, данный случай это не вмешательство, а вовлечение военных в политику;

3) **Неучастие военных в решении вопросов суверенитета власти**. В данном случае автор концепции обращает внимание на тот факт, что в большинстве исследований основное внимание уделяется только активным формам участия военных (военные перевороты), а неучастие не является предметом анализа, поскольку это нормальное положение вещей, ведь вмешательство или выступление в роли арбитра случаются гораздо реже. Безусловно, изучать события и действия гораздо проще чем бездействие, но без внимания к этому вопросу полноценный анализ невозможен, поскольку действие армии, как и ее бездей-

ствие, может привести к смене власти и изменениям в политической системе¹.

Американские исследователи Дэвид Хедич и Кен Коннор предлагают следующую классификацию военных переворотов²:

Таблица 5

Классификация военных переворотов

Тип военного переворота	Характеристика	Примеры
Переворот-прорыв	Свержение существующего политического режима силами иррегулярных вооруженных формирований либо частью вооруженных сил с последующей сменой концепции или идеологии развития общества	Китай – 1911 г. Египет – 1952 г. Куба – 1959 г.
Переворот охранительного типа	Данный тип предполагает смену политической власти/ элиты без существенных изменений в социально-экономической структуре	Турция – 1960 г.; 1971 г.; 1980 г.
Переворот-вето	Предполагает свержение законно избранного правительства и обычно сопровождается эскалацией насилия и политическими репрессиями сторонников свергнутого режима	Аргентина – 1943 г.; 1955 г.; 1976 г.

¹ Taylor B. Politics and the Russian Army. Civil-military relations 1689-2000. Cambridge University Press., 2003. P. 6-8.

² Hebditch B, Connor C. How to Stage a Military Coup. From Planning to Execution. USA, Skyhorse Publishing, 2009. P.19-37.

Окончание табл. 5

Фиктивный переворот	Представляет собой форму внутривнутриполитической борьбы, часто используется правящим режимом для дискредитации легальной оппозиции, особенно в период, предшествующий новым выборам	Экваториальная Гвинея – 2002 г.; 2003 г.
---------------------	--	--

Глава 2. Прикладные модели анализа политического участия вооруженных сил

В данной главе мы попытаемся кратко проанализировать современные теории прикладного анализа роли армии в политике и военно – гражданских отношений в целом – как универсальные, так и разработанные для конкретных стран и политических режимов.

2.1. Концепция анализа участия армии в политике Б. Тейлора

Американский исследователь **Брайан Тейлор** попытался систематизировать существующие в настоящее время подходы к анализу политического участия армии на различных уровнях в единую матрицу, позволяющую оценить степень вовлеченности вооруженных сил в политический процесс с учетом ключевых факторов.

Таблица 6

Матрица анализа участия армии в политике

Уровни анализа	Направления анализа		
	Структурный	Рациональный	Культурный
Индивидуальный		Индивидуальные интересы	Психология
Организационный	Организационная структура	Корпоративные интересы	Организационная культура
Внутриполитический	Внутриполитическая структура		Политическая культура
Международный	Международная структура		Мировая культура

Под направлением анализа понимается логика аргумента: 1) структурная – основной акцент делается на взаимное положение единиц анализа и **взаимоотношения** между ними; 2) рациональная – предполагает, что акторы пытаются достичь своих **интересов** и действуют, прежде всего, сообразуясь с собственными целями; 3) культурная – основывается на понимании людьми самих себя и своего места в окружающем мире. Ключевой вопрос в данном случае – это вопрос **идей**. Некоторые из ячеек остаются логически пустыми¹.

Следуя логике анализа, начинать его необходимо с **индивидуального уровня**, где единицы анализа – отдельные офицеры вооруженных сил (поскольку именно офицеры являются главной движущей силой участия армии в политике). **Индивидуальные интересы** предполагают, что офицеры на личностном уровне оценивают перспективы и последствия участия в решении вопросов суверенной власти, возможные выгоды и негативные результаты, наиболее неблагоприятными из которых может быть смерть или уголовное наказание, а наиболее желаемыми – власть и богатство. Тейлор отмечает, что данный уровень анализа весьма сложен, поскольку достаточно трудно предсказать, что именно подтолкнет офицеров на личностном уровне к участию или неучастию в политической борьбе, но главный вывод, в основу которого положена теория рационального выбора, заключается в том, что **офицеры в решении вопросов суверенной власти будут преследовать свои личные интересы**. Т.о. их нарушение или ущемление может подтолкнуть офицеров к участию в политике.

¹ Taylor B. Politics and the Russian Army. Civil-military relations 1689-2000. Cambridge University Press., 2003. P. 8 – 9.

Психологический аспект, в отличие от рационального выбора, предполагает анализ идей и ценностей офицеров, которые могут существенно отличаться, а значит вызывать различия в действиях офицеров в той или иной ситуации. Данный уровень анализа также достаточно сложен, поскольку военные являются специфической социальной группой, в определенной степени изолированной от других социальных групп, со своими ценностями и интересами, важнейшей из которых является корпоративная культура. Поэтому анализ в данном случае необходимо проводить с учетом взаимного влияния других факторов и уровней.

Анализ **на организационном уровне** начинается с рассмотрения **организационной структуры**, под которой понимается организация армии, взаимоотношения различных структурных элементов и частей внутри армии, баланс сил, а также отношения с другими компонентами военной организации государства. Предполагается, что разделение внутри военной структуры препятствует самостоятельному вмешательству армии в политику (например, разделение по политическому, этническому, возрастному, образовательному признаку, между центральным военным руководством и регионами, или между видами вооруженных сил – Сухопутные войска-ВВС-ВМФ).

Гражданские политики могут специально стимулировать возникновение противоречий и разделения внутри армии («разделяй и властвуй»), и/или создавать механизмы для дополнительного контроля армии изнутри. Политолог Эрик Нордлингер называет такую модель гражданского контроля **«моделью проникновения»**, полагая основными принципами ее функционирования контроль, разведку и наказания. Наиболее типичным примером такой систе-

мы он называет институт комиссаров или политработников в социалистических армиях¹.

Еще одним механизмом организационного контроля является модель «**системы сдержек и противовесов**», при которой политическое участие армии сдерживается другими элементами военной организации государства – жандармерией, пограничными, внутренними войсками, национальной гвардией и т.д.

Тейлор высказывает следующее предположение относительно влияния организационной культуры на политическое участие военных: **Единая армия имеет больше возможностей для успешного вмешательства в дела суверенной власти, при этом вероятность такого вмешательства повышается. Армия, в которой существует внутреннее разделение, с меньшей долей вероятности будет вмешиваться в политику, а также имеет меньше шансов на успех в случае такого вмешательства. При этом, он правда оговаривается, что это предположение может быть признано лишь частично верным, и добавляет, что единство армии делает более вероятным успешное вмешательство в политику, тогда как дезинтеграция способствует более частым попыткам такого вмешательства. В случае, когда военные выступают в качестве арбитра, высокий уровень дезинтеграции способствует серьезным расколам и дисбалансу внутри армии².**

Далее следует весьма интересный уровень анализа **корпоративных интересов**, под которыми понимаются

¹ Nordlinger E. Soldiers in Politics: Military coups and Governments. Prentice hall, 1977. P.15 – 18.

² Taylor B. Politics and the Russian Army. Civil-military relations 1689-2000. Cambridge University Press., 2003. P. 14 – 15.

рациональные бюрократические мотивы вооруженных сил. Предполагается, что военные взаимодействуют с окружающей их средой на основе рациональных мотивов, пытаясь снизить неопределенность, и стремятся, как и все другие организации, достичь максимальных объемов власти, ресурсов и автономии. Тейлор высказывает следующее предположение о данном аспекте политического участия военных: **угроза корпоративным интересам военных повышает вероятность их вмешательства в политику. Адекватная реакция правительства в вопросе удовлетворения корпоративных интересов армии вероятность такого вмешательства снижает до минимального значения. Когда военные вынуждены выполнять роль арбитра, они поддержат ту сторону, которая обеспечит наиболее существенную поддержку их корпоративных интересов.** Здесь, как и в предыдущем вопросе, Тейлор указывает на слабые места данного предположения, отмечая, что во многих исследованиях предполагается, что все армии имеют приблизительно одинаковые интересы, а значит, будут реагировать одинаково в схожих ситуациях, хотя это не совсем верно, поскольку мотивы офицерского корпуса могут существенно отличаться в разных странах. Кроме того, он отмечает, что сам факт ущемления интересов армии не всегда является единственной и основной причиной вмешательства армии в политику, иначе военные перевороты происходили бы повсеместно.

Специалист по вопросам участия военных в политике Ричард Томпсон предложил следующую классификацию корпоративных интересов военных¹:

¹ Thompson W. Grievances of Military Coup-Makers, pp.12 – 28.

Таблица 7

Корпоративные интересы военных

Позиционные интересы	Ресурсные интересы
Автономия военной организации	Военный бюджет
Иерархия военного руководства	Денежное довольствие
Сплоченность	Подготовка
Честь	Взаимоотношения внутри военной организации
Политическая позиция	Кадровые вопросы (назначение на должности, продвижение)

Последним аспектом анализа на данном уровне является **культурный аспект**, а именно **организационная культура офицерского корпуса, т.е. нормы, ценности и установки, которые помогают членам организации ориентироваться в окружающем мире и определяют выбор и специфику поведения в тех или иных ситуациях**. Соответственно, организационная культура дает ключ и к понимаю отношения военных к политике. Прежде всего, здесь необходимо выявить нормы и ценности, определяющие отношение военных к власти.

Важнейшим элементом при проведении анализа с точки зрения организационной культуры является учет опыта и истории функционирования организации при объяснении последующего ее поведения. Институциональные уроки, полученные организацией в результате важнейших собы-

тий в ее жизни, оказывают мощное влияние на воззрения ее членов. Важнейшими здесь считаются события, сыгравшие серьезную роль в функционировании организации, оказавшие определяющее влияние на формирование организационных воззрений или имеющие серьезное метафорическое влияние. Процесс социализации внутри организаций приводит к появлению доминирующих интерпретаций этих событий, т.е. организация формирует свое толкование данных явлений, хотя некоторые индивиды и подгруппы могут извлечь из них уроки отличные от выводов группы в целом. Особенно вероятно возникновение доминирующих интерпретаций в процессе организационной социализации в иерархических организациях, таких как армия. При этом, в такой сложной организации как армия могут существовать и различные организационные субкультуры, например, группа молодых офицеров, имеющих взгляды, отличные от воззрений старших по возрасту офицеров.

Таким образом, участие армии в войнах и вооруженных конфликтах, использование вооруженных сил для решения задач внутри государства, реформирование и сокращение, существенные организационные изменения, репрессии, успешное или неудачное участие в военных переворотах могут быть этими важнейшими событиями, которые составляют организационную культуру армии.

Соответственно, успешное участие армии в политике (например, удачный военный переворот) снимает многие ограничения и способствует дальнейшему вмешательству в политику, тогда как неудача, напротив, удерживает армию от повторных попыток. Соответственно, в странах, где существуют устойчивые традиции военного правления или участия в политике, офицеры гораздо меньше сомневают-

ся в своем праве сделать это вновь и, наоборот, в странах, где такие традиции отсутствуют, армия с меньшей вероятностью будет участвовать в решении вопросов суверенной власти. Как результат, Тейлор формулирует следующее предположение – **военные, строго придерживающиеся норм превосходства гражданских, с малой долей вероятности вмешаются в политику, а в случае арбитража, скорее всего, останутся нейтральными. Если же их вынудят действовать, они будут поддерживать наиболее легитимного претендента на власть. Соответственно, армии со слабой приверженностью нормам гражданского превосходства или вовсе не придерживающиеся таковых, скорее всего, вмешаются в политику, а в случае, когда несколько соперничающих сил будут претендовать на поддержку армии, последняя будет стремиться сохранить роль независимого арбитра.**

Следующий уровень анализа – **внутриполитический** – является наиболее популярным среди исследователей роли армии в политике. Главное внимание здесь уделяется внутриполитической структуре – т.е. рассматриваются взаимоотношения армии с другими государственными и социальными институтами, и соотношение сил между ними. Самуэль Хантингтон отмечал, что наиболее важные причины вмешательства военных в политику носят не военный, а политический характер, и отражают не социальные или организационные характеристики армии, а политическую и институциональную структуру общества¹.

Сторонники данного подхода фокусируются на структурных взаимоотношениях специфических социальных

групп или институтов, таких как социальные классы или этнические группы. Соответственно, вмешательство военных в политику маловероятно в более развитых и структурно сложных обществах (хотя и из этого правила есть исключения, например, попытки осуществления военных переворотов во Франции в 1958 и 1961 гг., а также периоды военного правления в наиболее развитых государствах Латинской Америки – Аргентине, Чили и Уругвае)¹.

Здесь в качестве базового аргумента Тейлор использует следующее предположение: **вмешательство военных в политику менее вероятно в сильных государствах и более вероятно в слабых. Соответственно, вероятность сценария, в котором военные выступают в качестве арбитра, более высока в слабых государствах.**

Слабым местом данного подхода, как и на уровне корпоративных интересов, является тот факт, что он основывается на зависимой переменной – иными словами, многие государства и общества находятся в состоянии структурной слабости, но военные в их в политику не вмешиваются.

Следующим подходом является анализ **политической культуры**, под которой понимаются ценности, ориентации и установки членов определенного политического сообщества (очень часто таким сообществом является нация). Здесь стремление армии к участию в политике ставится в зависимость от норм и ценностей конкретного общества. Этот подход наиболее активно применяется при рассмотрении участия в политике армий в странах Латинской Америки, где оно воспринимается либо позитивно, либо как нормальное явление политического про-

¹ Huntington S. Political Order in Changing Societies. Yale University press, 1968. P. 192 – 194.

¹ Taylor B. Politics and the Russian Army. Civil-military relations 1689-2000. Cambridge University Press., 2003. P. 20 – 22.

цесса в политических культурах большинства обществ. Опыт такого анализа привел к появлению в западной политической науке нескольких моделей, объясняющих этот феномен латиноамериканской политики – «**иберийской**», «**иберийско-латинской**» и т.д. Слабое место этого подхода заключается, по мнению Тейлора, в его чрезмерной универсализации – различиям в политической культуре и специфике политического участия военных в различных странах уделяется недостаточно внимания.

Международный уровень логически завершает матрицу. Тейлор отмечает, что анализ **международной структуры** и **международной культуры** имеет существенное значение в исследованиях международных отношений и сравнительной политологии, хотя эти подходы редко используются для исследования участия военных в политике¹.

При описании данного подхода Б. Тейлор в качестве основной использует теорию политического реализма, что в определенной степени снижает возможности и диапазон анализа, хотя и уменьшает степень вариативности при оценке участия военных в политике.

В данном случае позиции исследователей могут быть разделены на два основных подхода: 1) одна группа исследователей полагает, что **вмешательство военных в политику во многом определяется международной военно-политической обстановкой – государства, сталкивающиеся с серьезными угрозами в сфере международной безопасности, будут в максимальной степени ориентированы на противодействие этим угрозам, а вооруженные силы в таких государствах сосредотачи-**

ваются на реализации функции внешней защиты, что ограничивает их возможности для вмешательства в политику; 2) сторонники второго подхода (их меньше) полагают, что напротив, **внешние угрозы стимулируют вмешательство военных в политику.** При этом в обоих случаях выводы делаются применительно к конкретным странам или регионам мира. В первом подходе наиболее часто фигурируют страны Европы, Азии и Африки, а во втором – государства Ближнего Востока. Сам Б. Тейлор не поддерживает однозначно ни одну из точек зрения, отмечая, что обе они в той или иной степени имеют право на существование¹.

Завершающим уровнем анализа является уровень **международной культуры**. Тейлор отмечает, что недавний «конструктивистский поворот» в теории международных отношений привлек внимание к таким проблемам, как идентичность, нормы и ценности и их возможному влиянию на поведение государств и иных акторов системы международных отношений. В данном случае предметом анализа является влияние международных норм, усвоенных международными организациями, государствами, неправительственными организациями и индивидами, влияют на внутреннюю политику или действия государств на международной арене.

Данный подход может быть использован и применительно к военным, поскольку распространение международных норм, влияющих на степень участия военных в политике (поощряющих или неодобряющих такое участие), является важнейшей переменной при объяснении такого

¹ Taylor B. Politics and the Ruisan Army. Civil-military relations 1689-2000. Cambridge University Press., 2003. P. 23.

¹ Taylor B. Politics and the Ruisan Army. Civil-military relations 1689-2000. Cambridge University Press., 2003. P. 24 – 26.

участия. Например, западные исследователи Ричард Ли и Уильям Томпсон выдвинули гипотезу, условно названную «**инфекцией военных переворотов**» («**coup contagion**» – coup-переворот, contagion-инфекционное заболевание, зараза, заразная болезнь или распространение вредных мыслей). Согласно данной гипотезе, в 50-е – 60-е гг. XX века военные перевороты в странах третьего мира распространялись подобно инфекции. Авторы гипотезы утверждают, что в этот период мировая субкультура приняла такую форму, в которой некоторые военные элиты рассматривали свое полное вовлечение в процесс принятия властных решений как правильное и необходимое¹.

Также глобальное распространение норм и ценностей демократии, по мнению Тейлора, делает участие военных в политике многих стран нежелательным, поскольку такое вмешательство воспринимается как нарушение этих норм, т.е. уровень международной культуры может сыграть важную роль в объяснении количества военных переворотов в мире. Главной проблемой данного подхода к участию военных вновь является вопрос применимости к конкретным странам и случаям – т. е. необходимо объяснить, как международные нормы влияют на внутривнутриполитический и международный уровни, и почему в одних странах это происходит, а в других – нет.

Заключение

Естественно, что вышеупомянутые работы представляют собой далеко не исчерпывающий список. Практически каждому представителю политической мысли, затрагивавшему вопросы функционирования политической системы,

¹ Taylor B. Politics and the Russian Army. Civil-military relations 1689-2000. Cambridge University Press., 2003. P. 24 – 26.

отдельных её институтов, политических конфликтов приходилось обращать внимание на роль и влияние военных. Если обобщить все существующие на сегодняшний день в политологии взгляды на соотношение армии и политики, то условно их можно разделить на 3 группы:

1) армия не может существовать вне политики;

2) армия по сути своей является чисто технической силой в руках государства и имеет строго очерченный круг полномочий, а значит не должна напрямую участвовать в политическом процессе;

3) вооруженные силы имеют возможность выбора: становиться ли субъектом политических отношений или дистанцироваться, отстраниться от участия в них.

При этом ни одна из вышеупомянутых концепций не отрицает важного значения армии в политике и ее возможности влиять на политическую систему, и даже изменить ее сущность. Однако проведенный краткий ретроспективный анализ позволяет сделать вывод о том, что абсолютное большинство работ отводит армии подчиненную по отношению к политике роль.

2.2. Модели анализа политической роли вооруженных сил в коммунистических и посткоммунистических политических системах (на примере России и КНР)

В современной политической науке продолжают активные дискуссии о возможных направлениях и путях анализа военно-гражданских отношений и участия военных в политике. По-прежнему, в этих дискуссиях можно выде-

лить два ключевых направления, определяемых типом политического режима: демократические режимы с институционализированной системой гражданского контроля и тоталитарные, авторитарные режимы, где используются иные механизмы гражданского контроля и существуют различные каналы воздействия военных на политику.

В данной главе мы попытаемся кратко проанализировать две концептуальные модели прикладного политического анализа участия армии в политике.

Анализ участия вооруженных сил любого государства (равно как и негосударственных военизированных формирований) в политике требует наличия определенного инструментария, комплексной теоретико-методологической базы и четко разработанных концептуальных моделей.

Как мы уже говорили выше, западные модели 30-х – 80-х гг. в наибольшей степени подходят для анализа военно-гражданских отношений в западном мире, а также их союзников из числа стран «третьего мира».

Ситуация существенным образом начала меняться в связи с распадом социалистической системы в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века – исследователи данной проблематики получили доступ к большому объему недоступных ранее материалов, процесс обмена идеями и взаимодействия различных исследователей и исследовательских организаций многократно усилился. При этом ряд западных авторов активно разрабатывают новые теоретические модели с учетом реалий политического процесса и накопленного опыта.

Однако спорный вопрос применимости западных теорий военно-гражданских отношений к политическим процессам в других государствах так и не утратил своей остроты. Западные исследователи в большинстве своем

исходят из того, что глобальное распространение демократических институтов и ценностей делает неизбежным внедрение западных стандартов и принципов во взаимоотношения военной и гражданской сфер – и прежде всего, создание эффективной системы гражданского контроля над военной сферой и профессионализации военных с максимальным ограничением их влияния на политику.

Такая концепция выглядит вполне оправданной по отношению к государствам Восточной Европы, которые полностью переняли западную модель со всеми ее институтами, и, соответственно, главным вопросом здесь является эффективность внедрения системы гражданского контроля и эффективность ее функционирования, а значит, и западные модели вполне подходят для этого.

Совсем иная ситуация складывается в отношении России и КНР. Роль военных в социально-политических процессах этих стран была и остается весьма существенной, а особенности развития политических систем породили достаточно специфичные формы участия военных в политике – они выполняли достаточно обширные функции при общей закрытости военной сферы для гражданского контроля. При этом, в отличие от стран Восточной Европы, и Россия и Китай стремятся сохранить некий собственный путь в развитии военной сферы и не спешат принимать западные стандарты управления военной сферой, но с учетом общемировых тенденций. Таким образом, особенности участия армии в политике в этих, а также ряде других государств не всегда вписываются в современные западные модели. Ниже мы попытаемся проанализировать основные западные концепции взаимодействия армии и политики в коммунистических политических системах на примере двух ведущих стран социалистического лагеря –

Советского Союза и КНР, определить достоинства и недостатки этих концепций и их функциональность в современных условиях.

В первой главе мы рассмотрели некоторые из теоретических моделей и концепций, а здесь мы попытаемся кратко проанализировать теоретико-методологическую базу для анализа военно-гражданских отношений непосредственно в Советском Союзе/Российской Федерации и КНР, разработанную в западной военно-политической мысли в период с 80-х гг. XX века и до настоящего времени.

2.3. Армия и политика в Советском Союзе и Российской Федерации: взгляд западных исследователей

Анализ работ зарубежных авторов в области социальных и политических исследований за последние 30 лет позволяет говорить о существовании у них устойчивого интереса к вопросу о влиянии вооруженных сил на политическую систему и политический процесс России. Причины данного интереса отчасти кроются в традиционно высоком уровне милитаризации экономико-политической и общественной жизни в России. При этом в большинстве работ данный феномен рассматривается с точки зрения интересов западного мира. Авторы пытаются определить степень влияния военных на политическую систему, определить возможные дестабилизирующие импульсы и найти меры для эффективного противодействия им.

По мнению американского политолога Марка Крамера, отсутствие внимания к вопросу о роли военных в россий-

ской политике оставит большой пробел в попытках западных ученых понять проблемы демократизации в России и ее политическую систему¹.

Следует отметить, что в разные исторические периоды западные исследователи фокусировали свое внимание на различных аспектах проблемы, с учетом особенностей политической системы, отдельных политических институтов и общественно-политической ситуации в нашей стране. В соответствии с этим можно все работы разделить по временному признаку, условно выделив 4 этапа:

- 1) 60-е гг. – начало 80-х гг. (Правление Л. Брежнева. Эпоха «застоя» в СССР);
- 2) середина 80-х – 1991 г. (перестройка и распад СССР);
- 3) 1991 – 2000 гг. (период от распада СССР до конца правления Б. Ельцина);
- 4) 2000 г. – н. в. (период правления президента В. Путина).

На первом этапе основное внимание исследователей уделено вопросам влияния вооруженных сил на процесс принятия внешне – и внутри политических решений, взаимоотношения военных с КПСС, их участию в борьбе различных политических группировок за власть, определения масштабов влияния вооруженных сил на власть и общество. Именно эти вопросы затронуты в работах Романа Колковица «Советские военные и коммунистическая партия»² и Тимоти Колтона «Комиссары, командиры и гражданская власть: структура советской военной поли-

¹ Kramer M. Russian civil –military relations. (book reviews) // American political science review. – 1998. – Sept. – P. 234 – 250.

² Kolkowicz R. The soviet military and the communist, party Princeton NJ. – Princeton university press, 1967.

тики»¹. Кроме упомянутых выше можно также отметить исследования Эллена Джонса «Красная армия и общество: социология советских вооруженных сил»² и Джонатана Адельмана «Коммунистические армии в политике»³.

С началом процесса перестройки в середине 80-х годов и серьезных изменений в общественной, политической и социально-экономической жизни страны, а также нарастанием кризисных явлений во всех упомянутых сферах, западные аналитики поднимают вопросы о том, как советские вооруженные силы войдут в этот этап; предпринимаются попытки спрогнозировать возможное развитие ситуации с точки зрения взаимодействия военных с политикой. Симптоматичны и названия работ: «Государство, общество и военные под управлением Горбачева»⁴, «Влияние перестройки на процесс принятия решений в области советской национальной безопасности» и др.⁵

Кроме анализа текущего политического процесса, отдельные зарубежные исследователи с середины 70-х годов предпринимают попытки комплексного обобщения опыта участия советской армии в политике с целью встроить эти отношения в рамки существующих политологических

¹ Colton T. Commissars, commanders, and Civilian authority: the structure of soviet military politics. – L., 1979.

² Jones E. Red army and society: sociology of the soviet military. – Boston: Allen & Unwin, 1985.

³ Adelman J. Communist armies in politics. – Boulder, West view press, 1982.

⁴ Holloway D. State, society and the military under Gorbachev, International security. – 1989/1990. – Winter, vol. 14 №.3,

⁵ Arnett R. Perestroika in decision-making in soviet national security policy // The journal of Slavic military studies. – 1990. – March. – P. 125 – 140.

моделей и теорий развития военно-гражданских отношений и придать своим исследованиям системный характер. В 1978 году публикуется монография Дейла Херспринга «Военно-гражданские отношения в коммунистических странах: первые шаги к теории»¹, а в 1982 году работа известных советологов Романа Колковица и Анджея Корбонски «Солдаты, крестьяне и бюрократы: военно-гражданские отношения в коммунистических и модернизирующихся обществах»².

Военный путч в августе 1991 года и последующий распад Советского Союза породили существенное изменение и расширение круга рассматриваемых проблем. Теперь ведущее значение приобретают вопросы угрозы демократическим процессам в обществе со стороны армии. При этом спектр мнений у западных аналитиков варьировался в достаточно широких пределах: от прогнозирования возможной попытки вооруженных сил реставрировать СССР, поскольку после его распада армия осталась единственным целостным государственным институтом уже не существующего государства и приобрела определенную самостоятельность, до простого определения роли армии как главного препятствия на пути установления демократического политического режима. Следует отметить, что тенденция рассмотрения зарубежными исследователями российской армии как угрозы демократическим процессам, стабильно сохранялась на

¹ Herspring D. Civil-military relations in communist countries: first steps towards theory. Studies in comparative communism. – 1978. – Vol. XI, №. 3, Autumn

² Kolkovitz, R., Korbonski, A., Soldiers, peasants and bureaucrats: civil – military relations in communist and modernizing societies. – L.: Allen & Unwin, 1982.

протяжении 90-х годов, и существует до сих пор. Кроме того, новые политические реалии привлекли внимание зарубежных исследователей к ранее не существовавшим вопросам, таким как проблемы установления гражданского контроля над военной сферой, департизация и деполитизация российской армии, участие армии в электоральных процессах в постсоветской России, влияние вооруженных сил на процессы демократического преобразования в стране. Например, в 1994 появляются статьи Роберта Арнетта «Могут ли гражданские контролировать военных»¹ и Брайана Девенпорта «Военно-гражданские отношения в постсоветском государстве»², монография Роберта Барильски «Солдат в российской политике: долг, диктаторство, демократия в правление Горбачева и Ельцина»³, работы Роберта Эпперсона «Вторжение российских военных в политику»⁴, а также Якоба Киппа и Тимоти Томаса «Российские военные и парламентские выборы 1995 года»⁵.

С приходом к власти В. Путина, с первых дней своей работы уделявшего особое внимание вооруженным силам, в публикациях западных авторов данное направление его деятельности рассматривается как одно из ведущих и

весьма эффективных для достижения внутри – и внешне-политических целей разного уровня¹.

Характеризуя участие военных в политике после распада СССР, Якоб Кипп и Тимоти Томас пишут, что российские военные унаследовали традицию политической мобилизации и политического участия под руководством коммунистической партии у советского политического режима. В период перестройки высшее военное руководство оказалось вовлеченным во внутреннюю политику в самых широких пределах. Это участие достигло своей кульминации, когда армия раскололась в ходе августовского путча. В посткоммунистической России военные также погружены во внутреннюю политику для защиты корпоративных интересов офицерского корпуса, но единства в военной среде нет. Часть офицеров принципиально находится вне политики, тогда как другая часть участвует в ней очень активно, зачастую в скрытой форме. В политическом климате, поощряющем функционирование партий националистически-популистского и авторитарного типа, офицеры и генералы стали постоянными участниками предвыборных кампаний в политических партиях различного толка².

¹ Arnett R. Can civilians control the military? // *Orbis*. – 1994. – Vol. 38, №1.

² Davenport B. Civil-military relations in the post-soviet state // *Armed forces and society*. – 1994. – Vol. 21, № 2.

³ Barylski R. The soldier in Russian politics: duty, dictatorship and democracy under Gorbachev and Yeltsin. – L., 1998.

⁴ Epperson R. Russian military intervention in politics // *Journal of Slavic military studies*. – 1997. – September, 10 (3).

⁵ Kipp J., Thomas T. The Russian military and the 1995 parliamentary elections. Fort Leavenworth, KS, 5. October 1995.

¹ Barylski, Robert V. The Soldier in Russian politics: Duty, Dictatorship and Democracy under Gorbachev and Yeltsin. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1998. pp. 15-31; Barany, Zoltan. Politics and the Russian Armed Forces. In *Russian Politics: Challenges of Democratization*. Cambridge University Press, 2001, pp.174-214; Holloway, David. “State, Society, and the Military under Gorbachev” *International Security*, vol. 14, no. 3 (Winter 1989/90): pp. 5 – 24.

² Kipp J. Timothy T. The Russian Military and the 1995 Parliamentary Elections: a Primer. Foreign Military Studies Office, Fort Leavenworth, KS. 5 October 1995.

**Классификация западных теорий
политического участия советских/российских военных**

Один из ведущих зарубежных исследователей проблемы военно-гражданских отношений в России Брайан Д. Тейлор в своей монографии «**Политика и российская армия. Военно-гражданские отношения, 1689-2000**» отмечает, что существовавшие в американском политико-академическом сообществе страхи по поводу возможности военного переворота в России в значительной степени базировались не столько на объективном анализе истории взаимоотношений армии и власти в Российском государстве и политической ситуации, сколько на искусственно нагнетаемых эмоциях и старых страхах перед «внешней экспансионистской и внутренней авторитарной» традициями. По мнению Б. Тейлора, недооценка демократических традиций (а часто и полное отрицание таковых), существующих в российском обществе (прежде всего, среди политической элиты) помешали и продолжают мешать спокойно оценивать и прогнозировать развитие ситуации в стране, как большей части зарубежных исследователей, так и российских. Б. Тейлор полагает, что именно наличие демократических традиций и исторически сложившейся традиции невмешательства армии в политику в сочетании с прагматизмом представителей правящей элиты позволили удержать страну от политических катаклизмов, обеспечить продолжение демократических преобразований¹.

Теории и концепции участия советской и российской армии в политике, разработанные западными авторами, моно условно разделить на **следующие группы:**

¹ Taylor B. Politics and the Russian Army. Civil-Military Relations, 1689-2000. – Cambridge, 2003. – P. 306-307.

Модель	Период	Школа/ концепция	Описание
1. Сталинская	1928-1953	тоталитарная	Жесткий контроль над военными со стороны компартии.
2. Хрущевская	1953-1964	Конфликтная	Военные участвуют в политической борьбе наряду с ведущими бюрократическими группировками. Гражданским лидерам приходится принимать серьезные усилия по поддержанию эффективного контроля над военными.
3. Брежнев (ранний этап)	1964-1971	Симбиотическая	Тесная взаимосвязь высшего военного руководства с генеральным секретарем. Стабильный рост военного бюджета.
4. Поздний Брежнев – ранний Горбачев	1972-1988	Эклектическая	Начало кризиса в советской экономике. Военные активно участвуют в борьбе за ресурсы, соревнуясь с другими бюрократическими группировками.
5. Поздний Горбачев – ранний Ельцин	1988-1996	Переходная демократия	Переход от тоталитаризма к демократии; резкое сокращение военных расходов; рост политической активности военных

К общим проблемам работ западных исследователей можно отнести недостаточное внимание к особенностям функционирования военной организации в России, стремление к поиску возможных угроз для стран Запада и фрагментарный анализ различных аспектов проблемы, что объясняется объективными и субъективными причинами. Достоинства же заключаются в наличии достаточно хорошо разработанной теоретической базы и практического опыта анализа роли военных в политике.

2.4. Современные западные модели военно-гражданских отношений в КНР

В данном разделе мы попытаемся кратко проанализировать теоретико-методологическую базу анализа военно-гражданских отношений в КНР, разработанную в западной военно-политической мысли в период с 80-х гг. XX века и до настоящего времени.

Американские исследователи Филип Сандерс и Майкл Кайселицник выделяют три основных периода формирования и функционирования таких моделей в западной политической мысли.

Первый этап – традиционный (1989–1995 гг.), названный так поскольку в этот период доминировали четыре традиционные модели – **фракционная; симбиотическая; партийного контроля; профессионализма.**

Второй этап – переходный (1995–1997 гг.). В этот период осуществлялись попытки свести традиционные модели к более удобной общей схеме или концепции.

Третий этап (1998–2003 гг.). На этом этапе западные исследователи пытались учесть все изменения в полити-

ческой и экономической сферах китайского общества применительно к роли и месту военных в социально-экономических и политических процессах и отразить их в новых моделях, которые разрабатывались с опорой на традиционные модели¹.

По нашему мнению, третий этап, с определенным оговорками, может быть продлен и до настоящего времени, поскольку качественно новых моделей военно-гражданских отношений в КНР пока не создано, хотя такие попытки предпринимаются.

Ниже мы кратко рассмотрим основные положения вышеупомянутых моделей.

Фракционная модель. Данная модель базируется не на создании какой-то особой теории военно-гражданских отношений, а использует результат более обширных исследований политического процесса, политических элит, групп влияния и взаимодействия основных политических институтов для анализа влияния военных на социальные и политические процессы. Ключевой момент данного подхода – позиция и взаимоотношения различных групп влияния и их лидеров.

В рамках этой модели существовало несколько подходов.

Так, в частности, один из них получил название «**пеккинология**» (по аналогии с «кремлюнологией»). Сторонники данного подхода использовали методы контент – и ивент-анализа, а также информацию от различных источников (подавляющее большинство таковых в Китае было анонимным) для получения информации о конфликтах и

¹ Kiselycznyk M., Saunders P. Civil-military Relations in China: Assessing the PLA's Role in Elite Politics//, China Strategic Perspectives. vol. 2, Institute for National Strategic Studies, National Defense University Press., Washington, August 2010. P.18 – 19.

сотрудничестве различных групп влияния в КПК и НОАК, динамике политического процесса, перспективных значениях и т.д. К недостаткам данного подхода относят недостаточную надежность и неполноту получаемой информации, обусловленную закрытостью китайских источников, что оказывает влияние на точность анализа и прогнозирования.

В другом подходе – концепции «**Полевой армии**» – основной акцент делался на том, что политическая элита КНР может быть разделена на несколько групп по принципу принадлежности политических лидеров к одной из 5 полевых армий, действовавших в период революции и гражданской войны. Сторонники этой концепции полагают, что в период совместной службы будущие лидеры установили тесные личные и профессиональные связи, которые в последующем послужили основой для формирования политических фракций или групп влияния в различных политических институтах КНР, включая КПК и НОАК. Последнее исследование с опорой на данную модель было опубликовано в 1992 г. американским исследователем Майклом Свейном¹.

Данная модель, несмотря на ее существенное значение для политической науки и прикладного политического анализа, также имела ряд существенных недостатков. Прежде всего, персональные взаимоотношения – весьма сложный предмет анализа, и информация по нему доступна лишь частично. Кроме того, границы фракций также весьма условны, а для объяснения мотивов их действий

необходимо учитывать и другие факторы, такие как институциональные интересы, интересы КПК в целом, а также бюрократические интересы НОАК, которые зачастую при принятии решений оказываются важнее фракционных или групповых интересов.

Кроме того, у данной теории есть и еще один очевидный объективный недостаток – постепенная смена поколений в политическом руководстве страны и старение выходцев из «полевых армий». В конечном итоге, в 80-е – 90-е гг. этот фактор окончательно утратил свое значение. Как отмечали исследователи политической элиты КНР Ли Чен и Лин Уайт, основой фракций и коалиций нового типа служит образование и профессиональная принадлежность¹.

Американские политологи К. Либерталь и Д. Лемптон в своей работе «Политика, бюрократия и принятие решений в пост-маоистском Китае» (1995 г.) предложили еще одну модель функционирования власти в КНР в 90-е гг. XX века, получившую название «**фрагментированный авторитаризм**». Они отмечают, что общая тенденция к децентрализации в китайской политической системе в 80-е гг. XX века привела к распределению власти и ресурсов между различными институтами и группами в политической системе. Несмотря на то, что центр по-прежнему удерживал власть, различные региональные (провинциальные) и бюрократические сообщества имели возможности противостоять ему по некоторым вопросам. При этом возможности этих групп увеличивались с течением времени. Такая система предполагает институциональное раз-

¹ Kiselycznyk M., Saunders P. Civil-military Relations in China: Assessing the PLA's Role in Elite Politics // China Strategic Perspectives. vol.2, Institute for National Strategic Studies, National Defense University Press., Washington, August 2010. P. 20.

¹ Michael Swaine, The Military and Political Succession in China: Leadership, Institutions, Beliefs. Santa Monica, CA, RAND corporation, 1992.

деление различных кластеров (сегментов) внутри бюрократии (в данном случае, КПК и НОАК являются такими кластерами). Фрагментация власти подталкивает различные группы к поиску консенсуса для реализации политики, который достигается путем «торговли» и заключения сделок. Однако, различные интересы бюрократических акторов очень часто препятствуют выработке консенсуса, что влечет за собой конфликт внутри системы. При этом каждая группа начинает продвигать свои интересы в качестве основной политики¹.

Симбиотическая модель. В западной науке под термином **симбиоз в военно-гражданских отношениях** понимается система взаимоотношений с низким уровнем разделения военной и гражданской элит, где циркуляция элит между военными и гражданскими постами является нормой².

Один из ведущих современных специалистов по политической системе КНР, равно как и по вопросам участия китайской армии в политике, американский политолог Д. Шамбо, внесший существенный вклад в разработку данной концепции, отмечает, что в политических системах, в которых коммунистическая партия занимает ведущее место, армия является институциональным и вооруженным инструментом партии. Военные в коммунистических системах не демонстрируют такого уровня корпоративной идентичности и политической автономно-

сти, который характеризует военных на западе. Это объясняется следующими причинами: завоевание и удержание власти обычно связано с насилием, и военные здесь активно используются для решения политических задач. Соответственно, армия, а также другие силы безопасности, становятся вооруженными помощниками партии, а не автономной силой, задача которой заключается только в защите от внешних угроз. Такая ситуация закономерно приводит к двойственности миссии коммунистических армий – защите не только от внешних, но и от внутренних врагов. Более того, коммунистическая партия институционально проникает в армию (как и во все важнейшие институты государства и общества), в первую очередь, посредством политических органов, партийных комитетов и комиссий и т.д. При этом такое влияние компартии не означает, что военные не получают никаких преимуществ, напротив они, как правило, играют существенную роль в функционировании партии. Наиболее распространенным является включение военной элиты в состав элиты партийной. В особенности это характерно для важнейших органов руководства компартии (Центрального комитета и Политбюро), в состав которых обычно входит значительное количество офицеров высшего звена. Еще большее количество партийных функционеров прежде служили в вооруженных силах, и сохраняют между ними тесные связи. В таких коммунистических армиях политической работе придается большое значение, она занимает значительное место в подготовке военнослужащих всех уровней. Как правило, все офицеры высшего и среднего звена должны быть членами партии.

В целом, в коммунистических политических системах формируется важнейший симбиоз партии и армии. Иногда

¹ Kenneth Lieberthal and David Lampton. *Bureaucracy, Politics, and Decision Making in Post-Mao China*. Berkeley: University of California Press, 1996.

² A. Perlmutter., W. M. LeoGrande, *The Party in Uniform: Towards a Theory of Civil-Military Relations in Communist Political Systems*, *The American Political Science Review* 76, no. 4 (December 1982), 778 – 789.

он проявляется в попытках партии усилить контроль над армией, а в других случаях, напротив, армия становится более политически активной во взаимоотношениях с компартией, хотя в таких системах, благодаря важности этого симбиоза, не происходит военных переворотов (военные могут быть активно вовлечены во внутривнутрипартийную фракционную борьбу и соперничество)¹.

Как развитие **симбиотической модели** была разработана **коалиционная модель**, согласно которой партия и армия постепенно разделяются. Эти институты функционируют автономно, и в конечном итоге могут стать независимыми друг от друга. Авторы данной теории американские исследователи Амос Перлмутер и Ульям Лео Гранде отмечают, что вооруженные силы в коммунистических системах (Китай и Куба) функционируют в симбиотической модели, но после достижения победы в политической борьбе и установлении стабильности партия и армия становятся более институционализированными и специализированными, а циркуляция элит существенно сокращается. Т.е. с течением времени симбиотические отношения имеют тенденцию перерасти в коалиционные².

Еще один сторонник симбиотической модели Эбергард Сендшнейдер отрицает функционирование китайской армии как отдельного института, предлагая концепцию «военного участия», согласно которой военная элита является

¹ D. Shambaugh. Civil-Military Relations in China: Party-Army or National Military? Copenhagen Journal of Asian Studies, vol. 16, 2002, p 12.

² Perlmuter., W. M. LeoGrande, The Party in Uniform: Towards a Theory of Civil-Military Relations in Communist Political Systems, The American Political Science Review 76, no. 4 (December 1982), 778 – 789.

неотъемлемой частью руководства КПК, а политическое участие армии полностью легитимно¹.

Однако, Дэвид Шамбо, как и ряд других исследователей, предлагают не концентрироваться только на симбиотической модели – поскольку военная модернизация КНР и профессионализация НОАК, определенные изменения в политической системе и политической позиции вооруженных сил, а также смена поколений в военном политическом руководстве КНР вносят существенные коррективы в любую модель. В 90-е гг. в научной среде развернулась серьезная дискуссия по поводу применимости симбиотической модели к текущему состоянию военно-гражданских отношений в КНР. Д. Шамбо, отмечая, что симбиотическая модель всегда будет занимать определенное место в изучении отношений партии и армии из-за тесной связи двух этих акторов, предложил использовать термин **симбиоз** для описания их взаимного влияния, но влияния гораздо более слабого, чем прежде. Он же предложил и новую концептуальную модель, получившую название «партийный контроль».

Данная концепция во многом схожа с моделью, созданной для анализа военно-гражданских отношений в Советском Союзе. Ее основными разработчиками считаются уже упоминавшийся Д. Шамбо и американский политолог Нан Ли. Ключевой идеей данного подхода является предположение о стремлении партии к одностороннему усилению влияния над армией. Оба исследователя сходятся во мнении, что взаимоотношения КПК и НОАК в 80-х – на-

¹ Kiselycznyk M.,Saunders P. Civil-military Relations in China: Assessing the PLA's Role in Elite Politics//,China Strategic Perspectives. vol. 2, Institute for National Strategic Studies, National Defense University Press., Washington, August 2010.P.13 – 14.

чале 90-х годов XX века постепенно трансформируются от симбиоза к более формализованной и институционализированной форме, при этом партия пытается максимально сохранить контроль над военными. При этом содержание и объемы партийно-политической подготовки вооруженных сил, процентное соотношение с боевой подготовкой, а также влияние политработников в армии рассматривались как важнейшие критерии оценки в данной аналитической модели.

Д. Шамбо отмечал, что партийно-политическая работа в армии является важнейшим механизмом обеспечения контроля над ней со стороны КПК. В одной из своих работ он писал, что «если бы отношения были более симбиотичными, партия не предпринимала бы таких усилий по обеспечению и удержанию своего контроля над армией в течении столь длительного времени»¹. После событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда военные продемонстрировали недовольство приказами политического руководства о силовом разгоне демонстрантов, Шамбо указывал на стремление партийного руководства всеми силами укреплять традиционные механизмы партийного контроля над армией, говоря о том, что постоянное снижение роли симбиоза военной и гражданской элит и их постепенное разделение делает эти механизмы еще более значимыми для партийной элиты. Предложенный им сценарий эволюции военно-гражданских отношений в КНР от симбиоза к партийному контролю, предполагал, что новое поколение партийных лидеров, не имеющее революционной ле-

¹ David Shambaugh, “The Soldier and the State in China: The Political Work System in the People’s Liberation Army,” *The China Quarterly*, no. 127 (September 1991), 527 – 568.

гитимности военного опыта, будет опираться на систему прямого партийного контроля над армией¹.

Нан Ли характеризовал происходившие изменения как переход от фракционной модели к модели бюрократического поведения. Главное отличие его подхода от идей Шамбо заключается в том, что Ли не считал НОАК влиятельной группой интересов, что автоматически снижало роль и значение механизмов прямого партийного контроля.

Как отмечают западные исследователи, в течении короткого периода времени, сразу после событий на площади Тяньаньмень, данная модель практически полностью подходила для описания действий китайского партийного руководства по укреплению формальных механизмов контроля над армией. Однако, по прошествии некоторого времени контроль партии над армией ослаб, а НОАК получила большую институциональную автономность.

Эти процессы вызвали достаточно интенсивную дискуссию среди западных специалистов относительно применимости данной модели и роли партийно – политической работы в армии.

Одни исследователи указывают на значительное уменьшение времени на партийно-политическую подготовку, что свидетельствует об уменьшении влияния механизмов партийного контроля. Другие видят в этом более серьезные изменения, отмечая, что главное – это не простое уменьшение политработы, а активное включение армейских политработников в военную корпоративную культуру, что ставит под вопрос их лояльность КПК в условиях

¹ Kiselycznyk M., Saunders P. *Civil-military Relations in China: Assessing the PLA’s Role in Elite Politics*//, *China Strategic Perspectives*. vol.2, Institute for National Strategic Studies, National Defense University Press., Washington, August 2010. P. 16.

возможного внутривластного кризиса. В ответ на это ряд специалистов возражает, что политработники всегда в той или иной степени сталкиваются с этой дилеммой, а роль органов политработы в обеспечении контроля над армией никогда не достигала идеальных значений. Т.о. в китайской армии изменилась не система политработы как таковой, а основной объект приложения сил – от индоктринации идей марксизма к идеям китайского национализма. Сама же система существенно не изменилась.

С нашей точки зрения, модель «партийного контроля» сохраняет свою функциональность, по крайней мере, частично и в настоящее время. В связи с этим можно привести заявление ЦВС КПК, сделанное в начале 2009 г. В этом заявлении, сделанном на заседании ЦВС, прошедшем под председательством генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао, китайская армия призывается к строгому подчинению указаниям КПК.

В заявлении подчеркивалось, что все вооруженные силы страны должны «беспрекословно, в любое время и при любых обстоятельствах подчиняться требованиям партии и ЦВС». Кроме того, в нем отмечалось, что ЦВС КПК усилил идеологическую и политическую работу в армии с тем, чтобы продолжать военное строительство в правильном политическом направлении в соответствии с новой ситуацией.

В заключении в документе подчеркивалось, что члены ЦВС КПК должны сохранять стратегическое видение и мышление для совершенствования управления армией и создать постоянный механизм по изучению стратегических проблем¹.

¹ Р. Кин. Заявление центрального военного совета КПК// Зарубежное военное обозрение.-2009.-№ 3.-С.73.

Все описанные выше модели в той или иной степени сыграли важную роль в анализе и понимании системы военно-гражданских отношений в КНР, однако здесь вновь проявилась отрицательная тона всех подобных моделей (как и в случае с Советским Союзом) – все они оказались недостаточно эффективны в сфере прогнозирования дальнейшего развития событий. Кроме того, еще одним слабым местом всех упомянутых моделей был учет одного из факторов или аспектов существующих отношений в качестве доминирующего (например, роль КПК). В результате, к середине 90-х гг. новые тенденции в военно-гражданских отношениях в КНР привели многих исследователей к необходимости пересмотра существующих концепций. Первоначально возобладала точка зрения, согласно которой все ранее созданные модели должны рассматриваться не как конкурирующие, а как взаимодополняющие. Например, Эллис Йоффе в 1996 году писал о необходимости синтеза всех трех основных моделей (профессионализма, симбиотической, партийного контроля), Дэвид Шамбо большее внимание уделял общему развитию военно-гражданских отношений, но оба исследователя соглашались, что упомянутые модели неадекватны сложившейся ситуации и требуется более динамичная модель¹.

Однако дальнейшее развитие событий потребовало еще более радикальных подходов – уже в 1997 году Эллис Йоффе заявил, что новые взаимоотношения партии и армии показали недееспособность моделей, разработанных в прошлом, поскольку более масштабное разделение элит

¹ Kiselycznyk M.,Saunders P. Civil-military Relations in China: Assessing the PLA's Role in Elite Politics//,China Strategic Perspectives. vol. 2, Institute for National Strategic Studies, National Defense University Press., Washington, August 2010.P. 17.

привело к усилению автономии военных по отношению к КПК, а конфликт между профессиональными и политическими приоритетами был разрешен в пользу первых. В этих условиях упомянутые модели, как сами по себе, так и вместе утратили функциональность не только в прогнозировании, но и в описании существующей ситуации¹.

Д. Шамбо в 2001 году охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «В настоящее время исследования Китая и НОАК находятся на перепутье в аналитическом аспекте, поскольку модели, разработанные в прошлом, утратили большую часть, если не весь, потенциал для интерпретации существующей ситуации².

Все это привело к появлению в 1999 – 2003 гг. новых моделей военно-гражданских отношений в КНР с частичной опорой на элементы классических моделей³.

Первая из этих моделей, к которой относят несколько схожих подходов, получила обозначение **теории «взаимных уступок»** (conditional compliance). Один из разработчиков данной концепции, Джеймс Малвенон, использовал этот термин, введенный Эллисом Йоффе, как основу для новой модели. Согласно основным поло-

¹ Ellis Joffe, “The Military and China’s New Politics: Trends and Counter-Trends” in *The People’s Liberation Army in the Information Age*, eds. James C. Mulvenon and Richard Yang (Santa Monica, CA: RAND, 1999), 34 – 47.

² David Shambaugh, “Commentary on Civil-Military Relations in China: The Search for New Paradigms,” in *Seeking Truth From Facts: A Retrospective on Chinese Military Studies in the Post-Mao Era*, ed. James C. Mulvenon and Andrew Yang (Santa Monica, CA: RAND, 2001), 39 – 40.

³ Kiselycznyk M., Saunders P. *Civil-military Relations in China: Assessing the PLA’s Role in Elite Politics*//, *China Strategic Perspectives*. vol.2, Institute for National Strategic Studies, National Defense University Press., Washington, August 2010. P. 17.

жениям этой концепции, система военно-гражданских отношений в КНР основана на поиске баланса, компромиссов и взаимовыгодных сделках заинтересованных сторон. Базовый интерес партийно-политической элиты заключается в обеспечении поддержки и лояльности со стороны НОАК, особенно в случаях возникновения вызовов КПК в сфере политической власти. НОАК же заинтересована в обеспечении своих профессиональных интересов, в первую очередь, в сугубо военных делах, вопросах бюджетного и ресурсного обеспечения военной модернизации, а также в сферах внешней политики, непосредственно затрагивающих интересы НОАК (прежде всего, имеется в виду Тайваньский вопрос). При этом Малвенон полагает, что военные должны играть лидирующую роль в этом процессе, поскольку поколение новых лидеров КНР не имеет серьезного военного опыта, что дает военным определенное преимущество с точки зрения того, что армия является последней линией защиты власти КПК.

По его мнению, разделение военной и гражданской элит и профессионализация НОАК может в определенных условиях привести не к политической пассивности армии, но, напротив, будет способствовать усилению политического участия военных.

Другой исследователь – Ю Джи называет такую систему отношениями **«взаимного обмена»**. Он отмечает, что хотя прежний симбиоз партии и армии был разрушен, каждая из сторон по-прежнему нуждается в другой для достижения своих институциональных интересов. Он также отмечает, что институционализация политической элиты и военно-гражданских отношений вместе с активным стремлением КПК к профессионализации НОАК позволяет со-

хранять надежный партийный контроль над вооруженными силами одновременно предоставляя им определенную автономию. При этом он, как и Малвенон, полагает, что профессионализация НОАК способствует меньшей вовлеченности армии в политические процессы, но с другой стороны, возросший уровень корпоративной идентичности и понимания корпоративных интересов может привести к более сложным отношениям с гражданской элитой в случае несовпадения интересов. В этом случае он также допускает возможность активного вмешательства армии в политику.

При этом сами авторы этих моделей отмечают их временный характер, поскольку происходящие изменения потребуют учета не только взаимоотношений партии и армии, но и влияния социальных, экономических и культурных факторов.

Модель «государственного контроля». В данной модели также учитываются такие ключевые факторы, как профессионализация и снижение политической роли армии, разделение элит. При этом сторонники этой модели (Д. Шамбо, Э.Скобел и др.) основной упор делают на том, что с середины 90-х гг. XX века усиливается институциональный и законодательный контроль государства над вооруженными силами, что способствует отделению НОАК и КПК. Д. Шамбо отмечает, что в перспективе взаимоотношения армии и партии могут быть выстроены по схеме, существующей в других сферах (например, в экономике). В этой схеме КПК формулирует общие стратегические направления деятельности, а государство отвечает за реализацию конкретных программ и аспектов. При этом он не исключает возможности возникновения конфликта между партией и государством по вопросам,

связанным с военной сферой, от чего НОАК, по мнению Шамбо, только выиграет.

Однако, переход к полностью государственному контролю, как свидетельствует опыт Индонезии, Тайваня и Южной Кореи, это весьма сложный, длительный и болезненный процесс, требующий полного изменения системы институтов и механизмов гражданского контроля над армией. Одним из индикаторов такого перехода может быть уменьшение количества военных в ЦК КПК, Политбюро КПК и ВСНП. В настоящее время официальные государственные документы и публикации в прессе, напротив, демонстрируют стремление КПК к сохранению контроля над армией.

2.5. Народная вооруженная полиция КНР в системе военно-гражданских отношений КНР

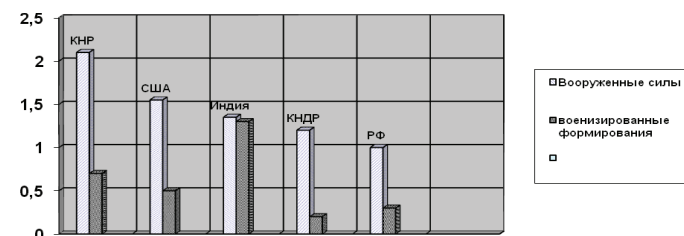
Безусловно, вооруженные силы являются ядром военной организации, являясь самыми многочисленными, хорошо вооруженными и оснащенными ее компонентами. На их содержание расходуется наибольшая часть военного бюджета. Однако в большинстве государств мира в силу различных причин исторического, политического, экономического характера существенную роль в обеспечении безопасности государства играют и другие военизированные структуры. Как правило, в их задачу входит обеспечение внутренней безопасности и стабильности, тогда как вооруженные силы преимущественно сконцентрированы на решении задач защиты от внешних угроз. При этом наличие таких структур характерно для государств с различными типами политиче-

ских режимов. Они имеются как в государствах с развитой демократией, так и в авторитарных и тоталитарных политических режимах. Например, жандармерия во Франции на сегодняшний день имеет численность 103,37 тыс. человек при численности регулярных вооруженных сил 238,59 тыс. человек, в Испании в составе гражданской гвардии насчитывается 72,6 тыс. человек, а во всех военизированных формированиях 80,21 тыс. человек, тогда как в вооруженных силах – 142 тысячи военнослужащих, а в Италии такие формирования по численности и вовсе превосходят регулярную армию – при 184 000 военнослужащих регулярной армии военизированные формирования насчитывают 254,3 тыс. человек. Самые же многочисленными военизированными формированиями на сегодняшний день обладает Индия – при регулярной армии в 1,325 млн. человек военизированные формирования насчитывают около 1,3 млн¹. В США такие функции выполняет Национальная гвардия, мобилизуемая администрацией штатов или федеральным правительством в случае необходимости поддержания внутреннего порядка, ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий, катастроф и т.д.

В Китае такой организацией является народная вооруженная полиция (НВП). Она была образована в 1980-е годы в результате слияния частей внутренней безопасности НОАК, вооруженной полиции, пожарной охраны и пограничных войск Министерства общественной безопасности.

¹ Вооруженные силы зарубежных стран. Справочные данные // Зарубежное военное обозрение № 7 2011, с.66-106; The Military Balance 2010, IISS, London, 2010.

Соотношение численности вооруженных сил и военизированных формирований некоторых стран мира в начале 2000-х гг. (млн. человек)¹

Одной из причин создания НВП являлось стремление китайского военно-политического руководства оптимизировать структуру военной организации и сократить военных расходы. В своем выступлении на собрании действующего комитета ЦВК 12 марта 1980 года Ден Сяопин провел прямую связь между снижением военных расходов и эффективностью экономической реформы, отметив, что: «в настоящее время наши военные расходы достаточно высоки... в этот период мы должны сделать все возможное, чтобы урезать военные расходы и тем самым усилить национальное развитие. В краткосрочном периоде очень важно уменьшить расходы [в армии] если мы хотим выполнить план четырех модернизаций»². Вскоре это решение было реализовано на практике – военный бюджет уменьшился с 22,27 млрд. юаней в 1979 году до 16,8 млрд. в 1981, т.е. на 24,6%³.

¹ Зарубежное военное обозрение, № 7 2001. - С.66-105

² Den Xiaoping Streamline The Army to Increase its Combat Effectiveness (12 March 1980), Collected works of Den Xiaoping, P. 269.

³ Mulvenon James. Soldiers of Fortune, Soldiers of Misfortune. Commercialization and divestiture of the Chinese military-business complex, 1978-99. P. 205.

Кроме экономических причин, реорганизация имела и политический характер – безусловно, такое сокращение военных расходов нарушало корпоративные интересы военных и могло привести к серьезному внутривластическому конфликту. Соответственно, был принят комплекс мер с целью не допустить его возникновения – в этих условиях новая структура – НВП, имевшая численность до 1,5 млн. человек, становилась мощным противовесом Народно-освободительной армии Китая (НОАК), т.е. *впервые в политической истории КНР был предпринят комплекс мер по ограничению роли военных в политике.*

Однако, помимо сдерживающего фактора в лице НВП НОАК получила и своего рода компенсацию. Во-первых, военным было обещано увеличение военных расходов по мере развития национальной экономики (что было выполнено со второй половины 90-х гг.), а во-вторых, вооруженные силы должны были стать важнейшей составной частью проводимых экономических преобразований, получив широкие возможности для ведения хозяйственно-экономической деятельности и, таким образом, получить свою долю в случае успеха экономической реформы. Этот процесс получил название «**коммерциализация**» китайской армии.

Этот аспект экономической деятельности НОАК достаточно подробно описан в отечественных и зарубежных источниках, но при этом исследователи очень часто игнорируют тот факт, что НВП также получила право самостоятельной хозяйственно-экономической деятельности, хотя ее масштабы были меньше, чем у НОАК.

Не осталась НВП и в стороне от политической борьбы. Как отмечали исследователи, в середине 90 – гг. НВП являлась важнейшей опорой власти генерального секре-

таря ЦК КПК и председателя ЦВС Цзян Цзэминя, который в отличие от своих предшественников Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина никогда не служил в армии и поэтому на начальном этапе не пользовался поддержкой высшего генералитета. Генералы ориентировались на его оппонента – бывшего председателя КНР Ян Шанкуня (его брат генерал Ян Байбин долгое время возглавлял Главное политическое управление НОАК). Цзян Цзэминь до поры до времени мирился с таким положением дел. Однако после смерти в 1997 г. «патриарха китайских реформ» Дэн Сяопина, авторитет которого был очень высок не только в Вооруженных силах, но и китайском обществе вообще, его преемник начал укреплять свои позиции в армейской среде. Постепенно он провел замену высшего военного руководства, приведя на ключевые посты своих выдвиженцев. Последние были обязаны своим возвышением новому лидеру, и поэтому в их преданности он мог быть вполне уверен.

В 90-е гг. XX века численность НВП составляла около 1,3 млн. военнослужащих, а на сегодняшний день НВП насчитывает в своих рядах около 660 тысяч военнослужащих и подчиняется непосредственно Центральному военному совету КНР (ЦВС)¹.

В соответствии с официальными китайскими источниками основными задачами НВП являются обеспечение внутренней безопасности и социальной стабильности, противодействие терроризму и содействие экономическому развитию страны. В военное время формирова-

¹ Китайские источники традиционно не сообщают о численности войск, поэтому приблизительные данные о количественном составе НВП приводятся на основании западных источников.

ния НВМ совместно с НОАК и народным ополчением привлекаются для ведения территориальной обороны, борьбы с разведывательно-диверсионными силами противника, охраны тыловых районов страны, тылового обеспечения войск и осуществления мероприятий гражданской обороны.

Народная вооруженная милиция находится в двойном подчинении – Госсовета КНР и Центрального военного совета (ЦВС) КНР². Первоначально войска НВМ входили в состав министерства общественной безопасности (МОБ). Однако во время событий на площади Тяньаньмэнь народная вооруженная милиция показала свою неспособность оперативно реагировать на директивные указания высшего руководства страны при действующей структуре управления и подчинения. Это привело к принятию в 1995 году нормативно-правовых актов, выводящих НВМ из состава МОБ КНР.

В мирное время командование НОАК осуществляет кадровую политику и контроль за ходом оперативной и боевой подготовки формирований НВМ, а в военное – планирует и руководит их деятельностью в рамках проводимых войсковых операций. Центральное и местные правительства руководят силами и средствами НВМ по поддержанию общественного порядка и выполнению других специальных функций, обладая правом, наряду с ЦВС и командованиями военных округов, использовать формирования НВМ для урегулирования нестандартных ситуаций.

НВП включает следующие структуры:

- 1) Войска внутренней безопасности;
- 2) Полиция охраны лесов, золотых рудников, водохранилищ, объектов энергоснабжения, а также транспортная полиция;

3) Пограничная, пожарная охрана, а также части гарнизонной службы.

Войска внутренней безопасности (ВВБ) насчитывают в своем составе около 400 тыс. человек (до начала 2000-х гг. – около 800 тыс. чел). Организационно они сведены в 14 мобильных дивизий и 22 отдельных мобильных полка, а также включают части и подразделения специального назначения¹. Их задача-обеспечение национальной безопасности и стабильности, противодействие терроризму, охрана жизни и собственности граждан, а также содействие НОАК в ходе ведения боевых действий. В рамках этих задач НВП осуществляет мероприятия по поддержанию безопасности и правопорядка в крупных и средних городах, а также специальных зонах (включая вооруженное патрулирование улиц), охрану важнейших государственных объектов, высших органов государственного и партийного руководства начиная от уровня провинции и выше, дипломатических представительств иностранных государств, крупнейших международных и национальных конференций, культурных и спортивных мероприятий. Например, НВП играла важнейшую роль в обеспечении безопасности олимпиады-2008 в Пекине. Кроме того, в сфере ответственности ВВБ охрана тюрем и следственных изоляторов, важнейших аэропортов, промышленных предприятий, телевизионных и радиостанций, объектов транспортной инфраструктуры – важнейших мостов, тоннелей и т.д.

В сфере противодействия терроризму ВВБ осуществляют комплекс мер по предотвращению террористиче-

¹ The Military Balance 2010.IISS,London, 2010.P.404.

ских актов, противодействию им, и минимизации их последствий. Для выполнения этой задачи в составе ВВБ имеются специальные антитеррористические подразделения.

Важнейшей специфической задачей ВВБ в целях обеспечения внутривнутриполитической стабильности является противодействие восстаниям, стихийным волнениям, вооруженным столкновениям, а также «другим формам групповой активности, угрожающим общественной безопасности»¹. Под другими формами подразумеваются незаконные митинги, забастовки, акции протеста.

Наконец, еще одной задачей ВВБ является борьба со стихийными бедствиями и техногенными авариями и катастрофами, а также ликвидация их последствий.

Силы охраны лесов, золотых рудников, водохранилищ, объектов энергоснабжения, а также транспортная полиция осуществляют деятельность в соответствующих сферах. При этом их полномочия не ограничиваются только охраной и обеспечением безопасности – силы НВП принимают участие в экономической деятельности, в том числе в развитии промышленной и транспортной инфраструктуры обеспечиваемых объектов, а также осуществляют другие формы экономической деятельности.

Войска обеспечения золотодобычи вошли в состав НВП в 1985 году. В настоящее время зона их ответственности охватывает месторождения золота более чем в 20 провинциях и автономных районах, включая провинции Цинхай, Сычуань, Ганьсу, Шаньси, Синь-цзян-Уйгурский, Нинся-Хуэйский, Тибетский автономные районы.

¹ Peng Guangqian, Zao Zhiyin, Lou Young. China's National Defense. China Intercontinental Press. 2010.P. 67-68.

Они представляют собой отдельные войска НВМ под объединенным руководством МОБ и министерства земель и природных ресурсов. Центральным административным органом является управление войск обеспечения золотодобычи главного штаба НВМ. Конкретный состав войск неизвестен, однако он включает в себя как минимум одно формирование дивизионного уровня.

До начала 2000-х гг. **войска лесной полиции** состояли из лесной полиции министерства общественной безопасности и войск лесной охраны НВП. Они несут ответственность за охрану лесных ресурсов страны и защиту окружающей среды, а также за ликвидацию наиболее сильных лесных пожаров. При этом и те и другие одновременно подчиняются государственному управлению лесного хозяйства. Их финансирование осуществляется этим управлением, а также из провинциальных и местных бюджетов. В начале 2000-х гг. Госсовет и ЦВС провели ряд мероприятий по преобразованию войск лесной охраны НВП в отдельные войска с новой структурой управления¹.

Дорожно-строительные войска и войска строительства и охраны гидроэнергетических объектов вошли в состав НВМ в 1985 году и в настоящее время имеют соответствующие управления в главном штабе НВМ. Вместе с тем по вопросам профильного применения они в большей мере подчинены министерствам Госсовета КНР. Задачи дорожно-строительных войск заключаются в создании и охране основных транспортных магистралей, особенно в приграничных регионах Китая. Аналогично дорожно –

¹ Peng Guangqian, Zao Zhiyin, Lou Young. China's National Defense. China Intercontinental Press. 2010.P. 67-68.

строительным войскам войска охраны гидроэнергетических объектов предназначены для строительства и охраны объектов водного хозяйства страны.

Пограничная охрана приблизительно численностью 100 тыс. человек включает сухопутный и морской компоненты. Сухопутные силы сведены в 30 дивизий (110 полков) пограничной охраны, морские – в 20 морских пограничных полков¹.

Гарнизонные войска осуществляют охрану высших государственных лиц, глав провинций и крупнейших городов выполняют церемониальные и протокольные функции.

Пожарная полиция является аналогом российского МЧС, осуществляя помимо борьбы с пожарами, комплекс мер по предотвращению и борьбе с последствиями стихийных бедствий, техногенных аварий и катастроф.

Три специализированных рода войск – пограничной охраны, безопасности и пожарной охраны – находятся в подчинении Министерства общественной безопасности. Они имеют соответствующие отделы в главном штабе НВП.

Для других родов войск НВМ характерна более сложная структура подчиненности. Руководство ими осуществляют профильные министерства и государственные управления, а также центральное и местные правительства и главный штаб НВП, который не располагает четкой системой взаимодействия с руководящими органами родов войск НВМ. Часть из них находится под двойным, а иногда и тройным руководством.

В целом механизм финансирования войск НВМ выглядит следующим образом: правительственные органы выделяют из своих бюджетных статей денежные средства для формирований НВМ всех степеней, а главный штаб распределяет их по основным статьям расходов. Местные парткомы и народные правительства в зависимости от своей бюджетной политики также направляют различные суммы в эти войска. Китайские источники описывают это так: «когда формирования НВМ реализуют важные проекты, на которые не хватает внутренних финансов, они обращаются за помощью в различные партийные и правительственные органы»¹.

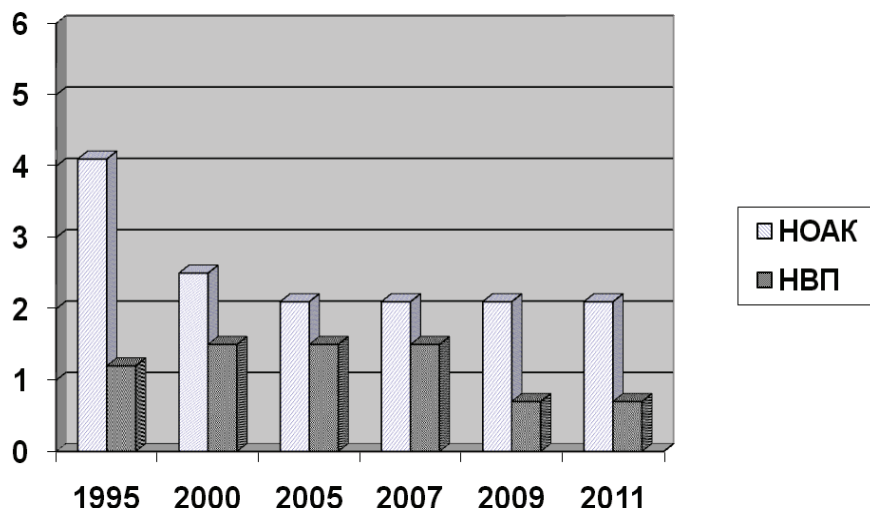
Штабы НВП провинциального уровня, замыкающиеся на главный штаб НВП, включают отделы гарнизонной службы, имеющие в своем составе офицеров, ответственных за взаимодействие с местным командованием различных родов войск НВМ и формирований МОБ, а также с представителями других правительственных органов. При организации гарнизонной службы формирования НВМ руководствуются «Уставом гарнизонной службы НОАК», который предписывает им подчинение штабу местного гарнизона Народно-освободительной армии.

Политическая работа в НВМ строится по тому же принципу, что и в НОАК. В формированиях полкового уровня и выше созданы партийные комитеты и политические органы во главе с комиссарами, которые несут ответственность также и за политработу в подчиненных подразделениях.

Интересно проанализировать соотношение численности НВП и НОАК в 1995-2009 гг.

¹ Peng Guangqian, Zao Zhiyin, Lou Young. China's National Defense. China Intercontinental Press. 2010.P. 67-68.

¹ Викторов В. Народная вооруженная милиция КНР // Зарубежное военное обозрение. № 9 2001.

Как видно из приведенных данных, в 2000-е гг. численность НВП практически не менялась, тогда как НОАК с 1995 по 2005 гг. сократилась почти в два раза. Сокращение НВП происходило несколько позже – в 2008-2009 гг.

Таким образом, в период 2008 – 2014 гг. прослеживается стремление китайского военно-политического руководства развести функции обеспечения внутренней и внешней безопасности между различными институтами военной организации страны. Безусловно, такой подход способствует профессионализации армии, позволяя сосредоточить силы и средства вооруженных сил на решении задач военного строительства.

Однако это разделение сфер ответственности имеет весьма ограниченные пределы. Военно-политическое руководство КНР продолжает рассматривать вооруженные силы в качестве важнейшего фактора поддержания внутривластной стабильности – согласно действующей Конституции КНР, задачи по обеспечению внутренней безопасности и общественного порядка возложены на

НВП, но ст. 22 Закона КНР «О государственной обороне» (1997 г.) предусматривает возможность использования для выполнения внутренних функций не только полицейские формирования, но и НОАК (действующие силы и войска резерва), а также народное ополчение. Кроме того, закон КНР «О реагировании на чрезвычайные ситуации» предполагает использование формирований НОАК в интересах проведения первоочередных аварийно – спасательных и других неотложных работ¹.

Политика совместного использования НВП и НОАК для обеспечения внутренней безопасности страны проявляются в различных формах – армия и НВП совместно участвуют в ликвидации последствий стихийных бедствий, выполнении различных проектов национального масштаба (например, НВП и НОАК участвовали в обеспечении безопасности олимпиады-2008 в Пекине), а также в противодействии терроризму и сепаратизму.

В настоящее время НВП КНР сохраняет свое влияние на политический процесс, и, безусловно, будет играть существенную роль в политическом процессе КНР.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что в начале XXI века военные продолжают играть активную роль в политических процессах в большинстве стран и регионов мира, а также в различных типах политических режимов от военно – диктаторских режимов до демократических политических систем. Формы политического участия военных по-прежнему включают самый широкий спектр – от воен-

¹ Ануфриев А. Роль вооруженных сил Китая в противодействии нетрадиционным угрозам безопасности//ЗВО, № 8 2011, С.17.

ных переворотов и силового давления на участников политического процесса до лоббирования корпоративных и групповых интересов посредством различных демократических каналов и механизмов.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что военные сохраняют влияние на политические системы и процессы различных государств и регионов мира в первой половине XXI века, в особенности в Азии и Африке в силу ряда факторов:

– военный потенциал остается одним из важнейших факторов в международных отношениях и в политических процессах различных стран и регионов мира;

– появление новых вызовов безопасности, обострение конкурентной борьбы за ресурсы, политическое и экономическое влияние предполагает, в том числе, и опору на военную силу в качестве важнейшего инструмента достижения поставленных целей;

– в ряде государств и регионов мира военные продолжают выполнять традиционную функцию гаранта внутренней стабильности и безопасности.

Таким образом, роль военных в политике была, есть и будет важнейшим компонентом политических отношений, а значит, данная проблема сохранит свою актуальность для политической науки в обозримом будущем.

Список использованных источников и литературы

Нормативно-правовые акты

1. Военная доктрина Российской Федерации: утв. указом Президента Российской Федерации от 21 апр. 2000 г. № 706 // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 17. – Ст. 1852.
2. Конституция Российской Федерации. – М., 1999.
3. Кодекс военно-политического поведения стран – участниц ОБСЕ [Электронный ресурс]. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа : <http://www.osce.org/>
4. Положение о Министерстве обороны Российской Федерации: утв. указом Президента Российской Федерации от 16 авг. 2004 г. № 1082 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3538.
5. Об обороне : федер. закон РФ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3808.
6. О безопасности : федер. закон РФ // Рос. газета. – 1992. – 6 мая.

Монографии, мемуары, энциклопедии, словари, сборники

7. Сравнительная политология сегодня : мировой обзор : учеб. пособие / Г. Алмонд, Д. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон ; под ред. М.В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
8. Антонов, Ю. А. Армия и политика / Ю. А. Антонов. – М. : Наука, 1973. – 256 с.
9. Арбатов, А. Г. Безопасность : российский выбор / А.Г. Арбатов. – М. : Феникс, 1999. – 326 с.

10. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М., 1984. – Т. 4. –
11. Армия и общество. 1900-1941. Статьи, документы / под ред. В. П. Дмитриенко. – М. : Общество, 1999. –
12. Баранец, В. Б. Потерянная армия / В. Б. Баранец. – М. : Совершенно секретно, 1998. – 725 с.
13. Варенников, В. И. Парад победы / В. И. Варенников. – М. : Вагриус, 1995. – 542 с.
14. Вооруженные силы в политической системе / под ред. В. Е. Чиркина. – М., 1981.
15. Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ / под ред. А. И. Никитина. – М. : Эслан, 2002. – 248 с.
16. Деникин, А. И. Путь русского офицера / А. И. Деникин. – М. : Вагриус, 2002. – 636 с.
17. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков. – М. : Олма-пресс, 2002. – 415 с.
18. Жуков, Б. И. Общая и прикладная политология / Б. И. Жуков, В. И. Краснов. – М., 1997. – 428 с.
19. Ильин, И. А. О грядущей России / И. А. Ильин. – М. : Воениздат, 1993. – 358 с.
20. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. – М., 1998. –
21. Истон, Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. Т.2. – М., 1997. – С. 635 – 637.
22. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М. : Логос, 1997. – 448 с.
23. Классики марксизма-ленинизма и военная история / ред. П. А. Жилин. – М. : Воениздат, 1893. – 343 с.

24. Каменская, В. Г. Политические системы современности / В. Г. Каменская, А. Н. Родионов. – М. : Онега, 1994. – 224 с.
25. Кондратков, Т. Р. Идеология, политика, война : критика буржуазных реформистских и ревизионистских концепций / Т. Р. Кондратков. – М. : Воениздат, 1983. – 255 с.
26. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин. – М., 1976.
27. Макиавелли, Н. Избранные сочинения // Государь. – М., 1989. – 345 с.
28. Категории политической науки / А. Ю. Мельвиль, Т. А. Алексеева, Боришполец К. П. [и др.]. – М., 2002.
29. Мирский, Г. И. Третий мир : общество, власть, армия / Г. И. Мирский. – М. : Наука, 1976. – 435 с.
30. Мирский, Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки / Г. И. Мирский. – М. : Наука, 1970. – 349 с.
31. Млечин, Л. М. Русская армия между Троцким и Сталиным / Л. М. Млечин. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2002. – 494 с.
32. Парсонс, Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. 2. – С. 478-481.
33. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – М., 1994. – Т. 3 : Государство.
34. Серебрянников, В. В. В. И. Ленин об агрессивности империализма / В. В. Серебрянников. – М. : Воениздат, 1988. – 125 с.
35. Серебрянников, В. В. Основы марксистско-ленинского учения о войне и армии / В. В. Серебрянников. – М. : Воениздат, 1982. – 125 с.

36. Серебрянников, В. В. Социология армии / В. В. Серебрянников, Ю. И. Дерюгин. – М. : ИСПИ РАН, 1996. – 300 с.
37. Серебрянников, В. В. Загадки переворота / В. В. Серебрянников. – М. : Щит России, 1992. – 225 с.
38. Смолин, О.Н. Политический процесс в современной России : учеб. пособие / О. Н. Смолин. – М. : Проспект, 2004. – 336 с.
39. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. – М., 1995.
40. Троицкий, Л. Д. Дневники и письма / Л. Д. Троицкий. – М., 1994.
41. Хрущев, Н. С. Воспоминания / Н. С. Хрущев. – М. : Вагриус, 1997. – 511 с.
42. Цицерон, М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / М. Т. Цицерон. – М., 1999.
43. Черчилль, У. Вторая мировая война / У. Черчилль. – М. : Феникс, 1997. – 637 с.
44. Шаран, П. Сравнительная политология / П. Шаран. – М. : Велби, 1992. – 228 с.
45. Шульговский, А. С. Армия и политика в Латинской Америке / А. С. Шульговский. – М. : Наука, 1979.
46. Эндрейн, Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем / Ч. Ф. Эндрейн. – М. : Инфра-М, 2001. – 320 с.

Диссертации

47. Бабанов, А. А. Армия и политическая власть в правовом государстве : дис. ... канд. филос. наук / А. А. Бабанов. – Тверь, 1998. – 156 с.
48. Гуськов, Ю. П. Армия в политической системе современного общества : (на примере России) : дис. ... канд. филос. наук / Ю. П. Гуськов. – ГАВС, 1993. – 174 с.

49. Емельяшин, В. П. Армия и политическая власть в современной России: проблемы взаимодействия и тенденции развития : дис. ... канд. полит. наук / В. П. Емельяшин. – РАГС, 2001. – 226 с.

50. Кривенко, А. М. Военная организация России в условиях социальной трансформации : (политологический анализ) : дис. ... канд. полит. наук / А. М. Кривенко. – ВУ, 2003. – 359 с.

51. Комутков С. В. Армия в системе государственной власти современного общества : (на примере России) : дис. ... канд. полит. наук / С. В. Комутков. – ВУ, 2003. – 166 с.

52. Крыштановская, О. В. Трансформация российской элиты (1981-2003 гг.) : дис. ... д-ра социол. наук / О.В. Крыштановская. – М., 2003. – 439 с.

53. Лихой, А. В. Лоббизм как феномен современного российского общества : дис. ... канд. полит. наук / А.В. Лихой. – М., 2003. – 235 с.

Статьи из журналов, газет, интернет-изданий

54. Анисимов В. М. Гражданский контроль над военными структурами // Полис. – 1995. – № 4. – С. 150 – 172.
55. Арбатов А. Г. У российской армии есть вероятный противник // Независимое военное обозрение. – 1995. – 14 дек.
56. Бельков О. А. Гражданский контроль : каким он должен быть // Армия и общество. – 1999. – № 2. – С. 45 – 48.
57. Бурда С. Нищая армия – голодные офицеры // Боевая вахта. – 1997. – 12 февр.
58. Воробьев Э. А. Российский вариант // Независимое военное обозрение. – № 49. – 1998. – С. 4.

59. Гаджиев К. С. Политическая культура : концептуальный аспект // Полис. – 1992. – № 1-2. – С.71 – 78.

60. Георгиев В. Минобороны и Генштаб разводят по разным углам / В. Георгиев, В. Мясников // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 18. – С.1.

61. Гордиенко Д. В. Военно-экономическое противоборство в современном мире / Д. В. Гордиенко, В. В. Баскаков // Военно-экон. вестн. – 2005. – № 8. – С.7 – 18.

62. Горшков М. К. Динамика доверия россиян к общественным институтам / М. К. Горшков, В. В. Петухов // Социс. – 2004. – № 8. – С. 25 – 40.

63. Горшков А. Ф. Программа стратегической противоракетной обороны США // Независимое военное обозрение. – 2005. – № 38. – С. 4.

64. Государственно-политический смысл армии // Независимое военное обозрение. – 1996. – № 6. – С. 8.

65. Градосельский В. С. Законодательное обеспечение комплектования Вооруженных сил СССР // Воен.-ист. журн. – 2004. – №12. – С. 36

66. Гребельский З. От стрелецких полков до военных округов / З. Гребельский, С. Сулейманов // Независимое военное обозрение. – 2002. – № 29. – С. 8.

67. Гриневский О. А. «Никита Сергеевич, уймись» // Независимое военное обозрение. – 1997. – № 11. – С. 5.

68. Гриценко А. В. Гражданский контроль – требование времени / А. В. Гриценко, Л. Г. Поляков // Зеркало недели. – 1999. – № 6. – С. 15 – 24.

69. Калашников М. В. Уставшая Россия / М. В. Калашников, В. Г. Ранов // Власть. – 2005. – № 4. – С. 8 – 15.

70. Дудник В. М. Армия в российской политике // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1997. – № 5. – С. 60 – 72.

71. Захаров А. В. Традиционная культура в современном обществе // Социс. –2004.-№ 7. С.112.

72. Золотарев В. А. Элемент демократии // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 36. – С. 4.

73. Иванов В. Как формируют оборонные ассигнования в Москве и Вашингтоне // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 15. – С. 4.

74. Кокошин А. А. Военно-политическое предвидение // Независимое военное обозрение. – 1998. – № 17. – С. 1.

75. Корбут А. Лев Рохлин был самым популярным политиком в армии // Независимое военное обозрение. – 1998. – № 25. – С. 3.

76. Корбут А. Армия проголосовала за партию власти // Независимая газета. – 1999. – 25 дек.

77. Кутузов В. Армию атакует власть // Сов. Россия. – 2000. – № 4. – С.4.

78. Лапкин В. В. Освоение институтов и ценностей демократии украинским и российским массовым сознанием / В.В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. – 2005. – № 1. – С. 48–59.

79. Маслюк С. Г. Военно-гражданские отношения : отеч. и зарубеж. опыт // Армия и общество. – 1999. – № 2. – С. 38–50.

80. Мухин В. На выборах в Госдуму свое слово сказал «военный электорат» // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 9. – С. 4

81. Печенкин А. А. Донос на маршала // Независимое военное обозрение 2004. – № 1. – С. 5.

82. Печенкин А. А. Секретное выступление Сталина // Независимое военное обозрение. – 2003. – № 15. – С. 1.

83. Печенкин А. А. Радикальное сокращение в военном ведомстве // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 49. – С. 8.

84. Плугатарев И. Солдатские матери образовали политпаритию / И. Плугатарев, В. Соловьев // Независимое военное обозрение. – № 18. – 2004. – С. 1.

85. Серебрянников В. В. От воинственности к миролюбию // Социс. – 2002. – № 5. – С. 80 – 86.

86. Серебрянников В. В. Генералы и политики : кто воинственнее? // Независимое военное обозрение. – 2001. – № 13. – С. 8.

87. Серебрянников В. В. Общественное мнение о военных делах государства // Власть. – № 1. – 2004. – С. 23 – 30.

88. Серебрянников В. «Силовики» на парламентских (1999 г.) и президентских выборах // Власть. – 2000. – № 7. – С. 46 – 52.

89. Соловьев С. С. Менталитет российского офицера : вызовы XXI века // Социс. – 2003. – № 12. – С. 50 – 58.

90. Соловьев В. Президент страны наконец-то взял в руки главный рычаг военной модернизации // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 19. – С. 1.

91. Стрельцина М. М. Институциональные условия создания правительственных ведомств в России и США : (на примере МЧС) // Полис. – 2004. – № 4. – С. 127 – 139.

92. Уткин А. Разгромленный и воссозданный генералитет // Независимое военное обозрение. – 2003. – № 25. – С. 8.

93. Хагена Г. Этот многоликий гражданский контроль // Независимое военное обозрение. – 1998. – № 49. – С. 4.

94. Хайнеман-Грюдер А. Военные и политика : к вопросу о демократическом контроле над армиями в Восточной

Европе // Россия и современный мир. – 2004. – № 3. – С. 188 – 198.

95. Храмчихин А. Гражданский контроль над армией в России декоративен // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 21. – С. 4.

96. Чиркова А. С. Преемственность в политической культуре России // Молодой международник. Вып.3. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – С. 116 – 222.

97. Шабуркин А. Гражданский контроль над вооруженными силами // Независимое военное обозрение. – 1997. – № 23. – С. 4.

98. Шахов А. Н. Военная организация переходного периода : демократические параметры развития // Власть. – 1999. – № 7. – С. 20 – 34.

99. Шушпанова И. С. Демократическое государство : социол. измерения // Социс. – 2005. – № 10. – С. 138 – 140.

Источники на иностранном языке

100. Adelman, J. Communist armies in politics. – Boulder, 1982.

101. Arnett, R. Perestroika in decision-making in soviet national security policy // The journal of Slavic military studies. – 1990. – March. – P. 125-140.

102. Arnett, R. Can civilians control the military? // Orbis. – 1994. – Vol. 38, № 1.

103. Baev, P. The Plight of the Russian Military: Shallow Identity and self-defeating culture // Armed Forces & Society. – 2002. – Vol.29, № 1. – P. 133-135.

104. Barylski, R. The soldier in Russian politics: duty, dictatorship and democracy under Gorbachev and Yeltsin. – L., 1998.

105. Boulding, K. Conflict and Defence: the general theory. Harper and brothers. – USA, 1962.

106. Colton, T. Commissars, commanders, and Civilian authority: the structure of soviet military politics. – L., 1979.

107. Mandel, M, Symonds W. How war will reshape the economy // Business week. – 2003. – April 14. – P. 27-32.

108. Moris Douverge. The idea of politics. – USA : Garrison & Morre, 1999

109. Davenport, B. Civil-military relations in the post-soviet state // Armed forces and society. – 1994. – Vol. 21, № 2.

110. Dick, C. The Russian Army : Present Plight and Future Prospects, Occasional Brief 31, CSRC (RMA Sandhurst), November 1994, p. 5

111. Epperson, R. Russian military intervention in politics // Journal of Slavic military studies. – 1997. – 10 (3) September.

112. Herspring, D. Civil-military relations in communist countries: first steps towards theory // Studies in comparative communism. – Autumn, 1978. – Vol. 9, № 3.

113. Herspring, D. Samuel Huntington and Communist Civil-Military Relations // Armed Forces and society. – 1999. – № 4. – P. 557-577.

114. Herspring, D., Vogues I. Civil-military relations in communist systems. – Boulder : Westview Press, 1978.

115. Holloway, D. State, society and the military under Gorbachev // International security. – 1989/1990. – Vol. 14, № 3 (winter).

116. Jones, E. Red army and society: sociology of the soviet military. – Boston : Allen & Unvin.1985.

117. Kipp, J., Thomas T. The Russian military and the 1995 parliamentary elections, Fort Leavenworth, KS, 5 October 1995.

118. Kramer, M. Russian civil –military relations. (book reviews) // American political science review. – 1998. – Sept. – P. 234-250.

119. Kolkowicz, R. The soviet military and the communist party. – Princeton NJ : Princeton university press, 1967.

120. Taylor, B. Politics and the Russian Army. Civil-Military Relations, 1689-2000. – Cambridge, 2003. –386 p.

**Военные перевороты
и попытки военных переворотов в государствах
латинской Америки в XX – начале XXI в.¹**

Государство	Количество военных переворотов/попыток переворотов в XX веке	годы	примечания
Аргентина	5	1943; 1945; 1955; 1976; 1987	
Боливия	3	1970-2 случая; 1980	
Бразилия	1	1964	
Венесуэла	3	1992, 1998, 2004	Все три при поддержке США
Гватемала	1	1954	При поддержке США
Гаити	3	1991; 2001; 2004	
Гондурас	1	1963	
Колумбия	3	1944; 1950; 1953	
Куба	2	1959; 1961	
Панама	4	1968; 1969; 1988; 1989	В 1988 – неудачная попытка переворота, поддержанная США
Парагвай	1	1989	

¹ Тихомиров А.А. Армия в политической системе стран Латинской Америки // Вооруженные силы в политической системе / ред. В.Е. Чиркин. – М., 1981. – С. 156 – 157.; Hebditch D., Connor K. How to Stage a Military Coup. Skyhorse Publishing. 2009. P. 199-212.

Перу	1	1992	
Сальвадор	6	1931; 1944; 1948; 1960; 1961; 1979	
Уругвай	1	1973	
Чили	2	1970; 1973	Оба случая при активной поддержке США
Эквадор	8	1925; 1931; 1944; 1947; 1963; 1972; 1976; 2000	
Итого	48 – (из них 21 в 50-е – 70-е гг.).		

**Типовая матрица анализа
военно-гражданских отношений¹**

1. Политическая система	Вызовы высокого уровня	Вызовы среднего уровня	Вызовы низкого уровня
1.1 Характеристика правительства	Авторитарное. Военные находятся у власти либо являются основой правящего режима.	Авторитарное (военное или гражданское), но с тенденциями к либерализации. Режим допускает существование оппозиции (в определенных рамках).	Демократическое. Сюда относятся и стабильные демократии и демократические режимы, находящиеся в процессе становления.
1.2 Легитимность правительства.	Отсутствует. Граждане, при возможности высказать свое мнение, полагают, что правительство не учитывает их требований и интересов.	Граждане полагают, что правительство в некоторой степени удовлетворит их требования и интересы.	Большинство населения убеждено в легитимности правительства.
1.3 Национальная стабильность.	С государством борется вооруженная оппозиция.	Иногда происходят вспышки общественного насилия или	Граждане не заинтересованы в противодействии государству и не

¹ Матрица разработана Центром изучения военно-гражданских отношений (г. Монтерей, США) и применяемая в Азиатско-тихоокеанском центре изучения региональной безопасности (г. Гонолулу, США) при преподавании дисциплины «Военно-гражданские отношения в странах АТР»².

		недовольства уровнем преступности.	беспокоятся о собственной безопасности.
2. Конституционное и законодательное устройство			
2.1 Конституционная роль вооруженных сил.	Конституция предоставляет военным особый статус «хранителей» государства (пример: Турция и Бразилия) и/или дает им большую свободу в толковании конституционной роли.	Конституция не закрепляет особого статуса военных как «хранителей» государства, но военные сами иногда превышают свои конституционные полномочия либо конституция закрепляет за военными некие льготы и преимущества перед остальными гражданами (например медицинское обслуживание и тд.)	Конституция запрещает придание военным особого статуса либо просто не содержит положений о таком статусе.
2.2 Взаимоотношения между вооруженными силами	Реальный контроль над вооруженными силами находится в руках высшего военного руководства.	Верховным главнокомандующим является выбранный гражданами глава государства (правительства), но иногда воен-	Вооруженными силами по законодательству и фактически руководит выбранный гражданами глава государства

тельной властью.		ные оспаривают данное положение вещей, что приводит к политическим конфликтам.	(правительства) – верховный главнокомандующий.
2.3 Взаимоотношения военных и законодательной власти.	Традиция и практика рассмотрения военных вопросов законодательной властью отсутствует. Если в стране есть парламент, военные не несут перед ним никакой ответственности и полностью независимы от него.	Конституция закрепляет рассмотрение военных вопросов высшим законодательным органом, но происходит одна из следующих ситуаций: 1) Некоторые вопросы не могут рассматриваться парламентом (пример: в Великобритании и Испании парламенты не рассматривают работу органов разведки); 2) В парламенте нет специалистов по военным вопросам (члены парламента и обеспечивающий персонал); 3) Военные резервируют за собой некоторое	Высший законодательный орган государства рассматривает и принимает решение по всем ключевым вопросам в области обороны при помощи высокопрофессиональных специалистов по военным вопросам.

		количество мест в парламенте. (Индонезия).	
2.4 Вооруженные и законодательство	Вооруженные силы действуют только в рамках военного законодательства.	Существует нерешенный вопрос о применимости общегражданского законодательства к военнослужащим, особенно если последние принимают участие в обеспечении внутренней безопасности государства	Вооруженные силы действуют согласно военному законодательству и другим общегосударственным законам.
2.5. Роль гражданского персонала в управлении Министерством обороны.	Незначительная роль гражданского персонала. Министерство обороны возглавляется военнослужащим.	Министерство обороны может возглавляться гражданским лицом, но оно либо укомплектовано военнослужащими, либо гражданским персоналом, не подготовленным в военных вопросах.	Министерство обороны возглавляет гражданское лицо, а персонал состоит из гражданских специалистов, хорошо подготовленных по военным вопросам.
3. Военные институты			
3.1 Политическая активность вооруженных сил.	Вооруженные силы высоко политизированы.	Существуют следующие ситуации (одна или несколько одновременно)	Военные придерживаются принципа политического нейтралитета, но иногда складыва-

		1) Политическая деятельность осуществляется открыто в вооруженных силах; 2) Высшие военные руководители официально принимают участие в деятельности политических организаций. 3) Политические факторы имеют значение при назначении на важные военные должности.	ются ситуации, в которых военные выступают против решений и действий гражданских властей.
3.2 Этнический, социальный, религиозный состав вооруженных сил.	Вооруженные силы комплектуются представителями определенных этнических, религиозных или социальных групп, при ущемлении интересов представителей иных групп.	Небольшое количество представителей этнических, национальных, религиозных меньшинств входит в состав вооруженных сил.	В вооруженных силах широко представлены различные общественные группы.
3.3 Военное образование	Образование полностью под контролем военных	Военное образование в основном под контролем военных, но при незначительном участии гражданских лиц.	Военное образование находится под гражданским контролем, а также существуют программы совместного обу-

		Попыток совместного обучения гражданских и военных лиц не делается.	чения военных и гражданских лиц как в военных и гражданских учебных заведениях.
3.4 Назначение на высшие военные должности	Данный процесс полностью под контролем военных.	Вопросы назначения на военные должности формально контролируются гражданской властью, хотя фактически решаются самими военными.	Назначение на высшие военные должности осуществляет высший законодательный орган государства, а дополнительные условия назначения вырабатываются путем военно-гражданского диалога.
3.5 Экономическая роль	Военные широко вовлечены в экономическую деятельность, и не только в связи с вопросами обороны.	Военные могут быть вовлечены в экономическую деятельность. Влияние военных на вопросы производства продукции военного назначения не регулируется.	Вопросы влияния военных на экономику детально регулируются законодательством.
4. Роль вооруженных сил в вопросах обеспечения обороны			
4.1 Роли и миссии	В случае возникновения граждан-	Военные привлекаются к урегули-	Военные в основном ориентирова-

вооруженных сил	ских конфликтов внутри страны военные реагируют первыми и отвечают за урегулирование конфликтов. Кроме того военные широко вовлечены в решение гражданских вопросов (программы здравоохранения населения, строительство дорог и т.д.)	рованию внутри-государственных конфликтов на постоянной основе, но не участвуют в решении гражданских вопросов.	ны на обеспечение внешней безопасности государства, но могут привлекаться к решению определенных задач внутри страны, таких как ликвидация последствий катастроф и стихийных бедствий.
4.2 Функции разведки	Военные полностью контролируют вопросы сбора и анализа развединформации.	Нет большой разницы между внешней и внутренней разведкой. Военные активно участвуют в работе по обоим направлениям.	Существует четкое разграничение между сбором развединформации внутри страны и за рубежом. Причем оба вида деятельности эффективно контролируются гражданской властью
5. Военные ресурсы			
5.1 Бюджетные полномочия	Военные принимают все основные решения, касающиеся размера и распределения военного бюджета.	Гражданская власть имеет формальное право контролировать бюджетные решения, но обычно не обладает деталь-	Гражданская власть определяет размер и распределение военного бюджета.

		ной информацией, экспертными оценками и политическим влиянием для воздействия на решения военных.	
6. Гражданское общество			
6.2 Политические партии	Существует одна из следующих ситуаций 1) политические партии в стране отсутствуют; 2) политические партии находятся на стадии формирования; 3) политическое руководство в стране осуществляется одной партией, находящейся в тесном союзе с военными.	1) Политические партии нестабильны; 2) Политические партии достаточно сильны и обладают значительным политическим влиянием, но руководящие ими элиты не обладают подробной информацией по военным вопросам и не имеют достаточной подготовки для их рассмотрения; 3) Некоторые партии де-юре и/или де-факто исключены из политического процесса (например, экстремисты или исламисты в некоторых странах).	В стране существуют сильные политические партии с элитами, хорошо информированными и подготовленными в военных вопросах.

6.3 Неправительственные организации	Неправительственные организации практически отсутствуют.	Неправительственные организации не обладают значимым влиянием и плохо финансируются, либо не имеют возможности проводить качественный анализ вопросов обороны из-за отсутствия необходимой информации и подготовленных специалистов.	В стране существует большое количество влиятельных и хорошо финансируемых неправительственных организаций, информирующих общество по всем важнейшим вопросам, включая военные.
6.4 Научные и исследовательские организации. (здесь имеется в виду широко распространенная в развитых демократических странах модель, при которой анализ вопросов обороны)	Научные и исследовательские организации проявляют незначительную активность либо вообще отсутствуют.	Исследования проводятся, но финансирование находится на низком уровне, либо изучение военных вопросов не осуществляется.	Хорошо финансируемые научные и исследовательские организации проводят широкомасштабные исследования по всем основным вопросам жизнедеятельности общества, в том числе и оборонным, и делают их результаты достоянием общества.

и безопасности осуществляют независимые исследовательские центры и университеты)			
6.5 Информированность общества по военным вопросам	В обществе отсутствует интерес к вопросам обороны и необходимая информация о них. Представители политических и общественных организаций также не обладают достаточными знаниями в военной сфере.	Информация по военным делам, предоставляемая обществу, является неполной. Некоторые представители политических и общественных организаций обладают подробной информацией в данной сфере, но не имеют политического влияния и рычагов воздействия на общественное мнение в силу своей малочисленности и недостатка ресурсов	Общество хорошо информировано в вопросах обороны, которые являются предметом активного обсуждения. Гражданские чиновники в политических и общественных организациях также имеют хорошую подготовку и информированность в данной области.
6.6 Взаимоотношения военных и граждан	Взаимоотношения военных и гражданского общества характеризуются	Военные находятся в хороших взаимоотношениях лишь с определенными секторами	Взаимоотношения военных и гражданского общества характеризуется высоким

Окончание табл.

данского общества	высоким уровнем противоречивости и конфликтности в силу ряда причин, среди которых могут быть такие как, негативный опыт воздействия военных на политику (Аргентина, Чили, Бразилия до конца 80-х – начала 90-х гг.), участия военных в непопулярном вооруженном конфликте (война во Вьетнаме для США, война в Алжире для Франции, война в Чечне в 1994 – 1995 гг. для России).	ми гражданского общества.	уровнем сотрудничества
-------------------	---	---------------------------	------------------------

Научное издание

Колесниченко Кирилл Юрьевич

**Армия и политика:
теория и практика прикладного
политического анализа**

Монография

В авторской редакции
Дизайн и верстка *Е.А. Прудкогляд*

Подписано в печать 22.05.2014
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 6,44
Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Дальневосточного университета
690091, г. Владивосток, ул. Фонтанная, 47

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.